

Борис Михайлов

СКИФСКИЕ СОКРОВИЩА РЯДОВОГО ВЕРМАХТА

Женский любовно-приключенческий роман

Борис Михайлов

**Скифские сокровища рядового
вермахта. Женский любовно-
приключенческий роман**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22168059

ISBN 9785448350047

Аннотация

Любовно-приключенческий роман о встрече феодосийской учительницы с русским принцем, о котором она мечтала всю жизнь. Фоном проходят приключения немецких туристов, приехавших в Феодосию найти скифские сокровища, спрятанные в войну. Во время оккупации Крыма во Второй мировой войне немецкие археологи раскапывали скифские курганы, похищали дорогие экспонаты из крымских музеев и отправляли их в Германию. Часть из них вывезти не успели и закопали во дворе одного из частных домов.

Содержание

1	5
2	19
3	33
4	42
5	50
6	61
7	69
8	74
9	93
Конец ознакомительного фрагмента.	105

**Скифские сокровища
рядового вермахта
Женский любовно-
приключенческий роман
Борис Михайлов**

© Борис Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-5004-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В старости Эрвин все чаще погружался в воспоминания. В их калейдоскопе всплывали давно забытые события и люди, детство, война, видел русскую девушку Ольгу. В небольшом приморском городке на юге России, куда занесла война, вспыхнула у них любовь. Ему тогда было двадцать один, ей – семнадцать. Он стал первым её мужчиной и полюбил, как случается только в молодости.

Надеялся, закончится война, заберет Ольгу к себе в Штутгарт, где чтят русскую княгиню Ольгу, многое связано с русскими. Верил, победа скоро.

Первые годы после войны Эрвина мучила совесть, что не успел проститься с Ольгой. Покинуть Феодосию пришлось неожиданно, своего адреса не оставил. Позже были у него женщины, но русскую девушку не забывал, даже после женитьбы на Амалии. И вдруг на восьмом десятке лет, когда пора думать о душе, русская Ольга снова стала сниться. Разыскать, написать никогда не приходило в голову, был прагматичен и о несбыточном не мечтал. Да и куда писать, кроме имени ничего об Ольге не знал. А тут еще, сон необычный приснился, с ним разговаривал Бог. Рассмотреть Творца не удалось, а слова Его не давали теперь покоя. Господь напомнил: пора готовиться к встрече, подводить итоги. Эрвин стал регулярно ходить в ближайшую к дому мето-

дистскую церковь, последний раз которую, посетил лет в четырнадцать или пятнадцать.

После воссоединения Германии, к нему в Штутгарт переехали из Дрездена брат с сыном. Племянник Курт вырос при русских, брат Якоб работал у них в воинской части. Разговоры о русских и ГДР стали часто возникать. Они и заставили вспомнить Ольгу, русский приморский городок, свою службу. Как все хорошо начиналось и бесславно закончилось! Вспомнил Эрвин и свой последний день, как при спешном бегстве из города, пришлось зарыть античные артефакты из золота и бронзы.

– Зачем рассказал про закопанные драгоценности, – пилила мужа Амалия. – Теперь не отстанет. И Якоб туда же. Ладно, Курт! Молод, горяч, вырвался из своей ГДР, и готов лезть хоть в пекло, лишь бы разбогатеть. Но Якоб! – возмущалась жена Эрвина.

– Никуда не отпущу, и не думай! Сколько тебе лет, чтобы связываться в авантюру! – наступала жена. – Русские давно откопали твое золото!

После занятия Крыма, воинскую часть Эрвина оставили в Феодосии восстанавливать разрушенный русскими порт. Однажды вызвали в комендатуру и передали в распоряжение молодого лейтенанта Брауна, выполнявшего особую миссию рейха на вновь приобретенных землях. Лейтенант был не на много старше Эрвина, успел окончить университет и поработать в археологических экспедициях. Вместе с Эр-

вином под командование лейтенанта передали и двух сослуживцев – Густава и Ганса. Особая миссия лейтенанта – археологические раскопки древних захоронений и городов, знакомство и отбор музейных экспонатов, которые не успели увезти или разграбить. Благодаря такой службе, Эрвина редко назначали в караулы и наряды. При лейтенанте он был вроде денщика, хотя денщик тому по чину не полагался. Имея трех подчиненных солдат, лейтенант предпочитал общаться больше с Эрвином, как бывшим студентом, смышленным, и более образованным, нежели Густав и Ганс. Эрвина устраивала служба, и он старался не разочаровать лейтенанта. Колесить по степям Крымского полуострова, копаться в пыльных и давно разграбленных музеях, в надежде отыскать что-то ценное для фатерленда, приятнее, чем работать в порту и ходить в наряды, ловить партизан, рискуя попасть под их пули.

Мотались по всему Крыму, но больше в окрестностях Керчи, на юго-востоке полуострова, выискивая места, где русские ученые с царских времен искали предметы античных культур. Часто малочисленной команде лейтенанта в помощь выделяли взвод солдат из боевых частей. В районе Керчи раскапывала курганы и группа штатских немецких коллег Брауна. Четверка, выполнявшая особую миссию, часто навевалась к ним. Отсюда в рейх отправляли, найденные в земле, скифские вазы и амфоры, мраморные блоки с рельефами грифов и разных чудовищ, мелкие предме-

ты из бронзы и золота, разные артефакты. Эрвин догадывался, втайне от начальства, лейтенант вёл и личные дела с гражданскими учеными, прибывшими из Германии. Однажды видел, как лейтенанту передали груду цепочек и сережек, и он не упаковал их в ящики для отправки, а рассовал по карманам. Позже Эрвин умыкнул у него небольшой металлический брусочек и старинный перстень с голубым камнем. Брусочек вымыл в бензине, соскоблил тысячелетнюю грязь, и черная железка засверкала на солнце золотом, превратилась в фигурку невиданного животного, похожего на кота с крыльями. Эрвин понял, это и есть скифское золото, хотя лейтенант объяснял, что все найденные предметы – бронза. «Фигурка, если даже бронзовая, как музейный экспонат дорогая», – сообразил Эрвин и зашил её между подкладкой кителя. Перстень спрятать не успел, за него с Гансом выменяли ящик пива у кладовщика офицерской столовой.

Берлинское начальство снабдило лейтенанта картами ученых, с XIX века, раскапывающих на Крымском полуострове первобытные стоянки человека, некрополи и древние курганы. Охота за предметами прошлого в этих местах велась давно, но и команде лейтенанта Брауна осталось немало неисследованных мест. До войны местные жители, втайне от властей, раскапывали курганы и нередко находили золотые и серебряные предметы. На толкучке в Керчи, в оккупацию их иногда продавали, только ни немцам.

Спецкоманда квартировала в старой возвышенной части

Феодосии. В окрестных домах — мазанках, сохранившихся при бомбежках и обстрелах, жили многие офицеры. Этот район считался наиболее безопасным. На самом деле, партизаны как раз и укрывались здесь, а если не доставляли беспокойства немцам, исключительно, чтобы не привлекать внимание к местным жителям.

По склону горного массива лепились домики и виноградники, в которых прятались партизаны. Выше, до самого Коктебеля, простирались голые каменистые горы и долины, в которых трудно укрыться. С двух других сторон город переходил в ровную степь. И партизаны, если не скрывались в домах жителей, прятались именно на склоне горы. Любимые их места в самой Феодосии, район Карантина и крепости, а еще Старокрымские леса.

Время от времени комендант города устраивал масштабные поиски партизан, привлекал весь гарнизон, и солдаты несколько суток без перерыва прочесывали лесистые отроги и виноградники.

Несмотря на важную миссию лейтенанта Йозефа Брауна, случалось, что и его команду отправляли ловить партизан. Лейтенант в этих случаях чаще увиливал и пока Эрвин с товарищами, не смыкая глаз, ползали среди виноградников, умудрялся найти себе срочное задание в Керчи.

Эрвин подозревал, что лейтенант специально отправлял их, чтобы не иметь свидетелей. В Керчи он встречал пароходы с таинственным грузом из России. Однажды Эрвин по-

нял, что это за груз. Увидел под кроватью мешок старых досок с ликами русских святых – иконами, и отдельно в плащ – палатке, аккуратно завернутые в тряпки, золотые и серебряные части окладов икон. Что это иконы, Эрвин, не догадался бы. Был слишком молод и понятия не имел о ценности старых досок. Лейтенант, устроив как-то пьяную вечеринку с друзьями, показал им несколько досок и объяснил, что это очень ценные иконы какого-то давнего века. Под кроватью Эрвина привлекали не доски – иконы, а плащ-палатка, в которой кроме окладов от икон, находились старинный кинжал, куча монет с портретами римских или греческих полководцев, цепочки, почерневшие от времени, но наверняка золотые, как и непонятные металлические предметы неправильных геометрических форм. Только через полвека, когда полистал энциклопедии, принесенные племянником, узнал, что археологи называют их бляшками. По краям, где потрескался покрывающий их слой многовековой грязи, они блестящие. Эрвин рассмотрел несколько бляшек, взвесил на ладони, понял, эти уж точно не из бронзы, а золотые. Приподняв узел, Эрвин определил, что потянет килограммов на пятнадцать, а то и больше. Лейтенант вряд ли все пересчитал и помнит. Решил конфисковать несколько вещей и принялся перебирать металлические пластинки, выбирая с симпатичным рисунком. Рельефное изображение, почти сглаженное и утопленное в засохшей земле, рассмотришь не сразу, и Эрвин забыл о времени, поглощенный изучением непоня-

тых предметов. За этим занятием его и застал неожиданно вернувшийся лейтенант.

– Рядовой Вакер, кто позволил копаться в моих вещах! – заорал он, изменившись в лице.

– Смею доложить, герр лейтенант, готовлюсь мыть пол, решил навести порядок.

Лейтенант сообразил: если Эрвин догадался, почему не отправлено это богатство с остальным грузом в Германию, лучше не поднимать шума.

– Думаешь золото? Бронза. Музейной ценности не представляет. Друзья где-то нашли, притащили мне.

«Рассказывай – ценности не представляет. Золото настоящее. Друзья... Лейтенант не промах. С таким богатством после войны можно неплохо зажить»! – подумал Эрвин и счел за лучшее промолчать.

– Уборкой занимаешься? – сменив тон, спросил Браун, словно не застал солдата за инспекцией своих вещей.

Эрвин продолжил игру и подтвердил.

– Так точно, господин лейтенант. Два дня пол не мыли, я и вытащил все из-под кровати, чтобы не намочить.

Из хозяев в доме жили неопределенных лет старуха и ее одиннадцатилетняя внучка Даша. Немцы с ними почти не общались. В обязанности русских входило следить, чтобы в сенях всегда стояли ведра с водой, и был наполнен руко- мойник, они же выносили из-под него грязную воду. И полы мыли обычно русские – бабка или внучка, почему рядовой

Вакер решил заняться полами, лейтенант не поинтересовался.

Эрвину ничего не оставалось, как взяться за мойку полов, а лейтенант с трудом поднял узел и унес. Мешок с досками оставил. Эрвину не пришлось в голову проследить, куда лейтенант перепрячет узел, и вскоре забыл о нем. Другие проблемы волновали молодого солдата. Всё реже удавалось встретиться с Ольгой. Лейтенант в последнее время стал нервным, часто срываться на крик, психовал. Ежедневно таская свою команду в места раскопок, стал торопить, не позволял подолгу перекуривать как раньше. Возвращались поздно ночью.

Приказами коменданта команду особой миссии все чаще отправляли на общие работы, ставили в наряды. Привилегированное положение таяло с каждым днем. Положение в городе осложнялось. Ночью на рейде появлялись боевые катера русских и обстреливали город, активнее действовали партизаны. Все шло к тому, что город, в котором так беззаботно шла служба, придется оставить и оказаться на настоящем фронте. Русские приближались. Вслух этого не говорили, но чувствовалось по общей нервозности, разговорам в бане, частым дежурствам и участвовавшей ночной стрельбе.

Оставить город пришлось неожиданно. Эрвин снова увидел мешок с иконами и тщательно перевязанную плащ-палатку с окладами икон и разной археологической мелочью. Вещи эти, судя по всему, лейтенант оставил для себя, не собиравшись отправлять в рейх. Достал их в ожидании автомоби-

ля, который должен был забрать остальные ценности, наваленные в снях, и музейную команду. Вместо долгожданного грузовика подкатила легковушка с полковником из строительного дивизиона, родственником лейтенанта. Не выходя из машины, он подозвал его.

– Брось всё и садись! – услышал Эрвин приказ своему командиру. Лейтенант что-то вполголоса говорил полковнику. Тот махал руками и сердился. Лейтенант объяснял, что за его командой с минуты на минуту подъедет заказанный грузовик, и он со всем своим имуществом покинет город.

– Я перед твоим отцом в ответе. Это приказ! – кричал полковник.

Со стороны моря нарастал гул канонады.

Лейтенант передал офицерам на заднем сидении мешок, вернулся за узлом, намереваясь и его взять. Офицеры потеснились, и мешок занял оставшееся место. Полковник вылез из машины, схватил упирающего Йозефа, отбросил в сторону узел и, не слушая объяснений лейтенанта, затолкал его в машину. Лейтенант успел только крикнуть Эрвину, чтобы позаботился о грузе. Плащ – палатка, связанная в узел, осталась на дороге.

Легковушка с офицерами уехала. Эрвин остался один с тяжелыми ящиками в доме и узлом. Ганс и Густав, откомандированные к комендантскому взводу, второй день не ночевали дома. Эрвин сам должен был решать, как спастись, что делать с хрупким грузом археологического добра.

Время шло, стрельба прекратилась, а машина все не подходила. В наступившей вдруг тишине Эрвину стало страшно, и он решил, пора уносить ноги. Достал нож и вспорол узел лейтенанта. Из него посыпались знакомые металлические предметы, монеты, черные и блестящие пластинки. Эрвин отсыпал немного золотых фигурок себе в вещмешок, в надежде поделиться с лейтенантом, если спросит, и тут прибежал запыхавшийся Густав. В доме остались его вещи.

– Набирай, сколько унесешь, – предложил Эрвин.

– На кой оно, старье музейное! Лейтенант объяснял, – не золото, и даже не серебро.

– А я тебе говорю – золото! Возьми хоть немного, поверь, пригодится.

– Что с ним делать? Все равно отберут, обвинят в мародерстве – расстреляют. И лейтенант не поможет.

Густав так и не поверил, что грязные железки – золотые бляшки. Несколько пластинок с рельефами зверей все же взял.

– Давай скорее со мной, у комендатуры последние машины. Лейтенант драпанул, бросил нас.

В необычной тишине далеко было слышно, как натужно гудели, поднимаясь по шоссе, ведущему в Симферополь, грузовики. Увозили последнее воинское имущество и солдат. Все шло к тому, что Эрвину и Густаву придется своим ходом бежать от наступающих русских.

– В сорок первом тоже оставили город, а потом вернулись.

«Может, и на этот раз вернемся», – сказал Эрвин. – Лейтенант не простит, что не сберегли его добро. Может, узел закопаем?

– Машины уйдут, пехом придется убираться, – не сразу согласился Густав.

– Думаешь, меня одного накажет? И тебя отправит на передовую!

Густав не стал дальше спорить, и они оттащили разорванный узел к туалету, рядом с которым недавно выкопали новую выгребную яму. У будки туалета стояли оставленные лопаты. Сбросили узел на дно ямы, засыпали землей, еще не успевшей затвердеть, нарубили лопатами и накидали сверху веток, травы и побежали к комендатуре.

...Вернуться не удалось. Русское наступление продолжилось, не останавливаясь до самого Берлина и полной капитуляции Третьего рейха. Лейтенанта Йозефа Брауна Эрвин с Густавом больше не видели. Эрвин встретил его только после войны.

Оставив Крым, Эрвин с Густавом продолжили службу в стрелковом батальоне бывшего помощника военного коменданта Феодосии. Густав как-то похвастался золотыми безделушками, и, начальство, узнав про археологическое богатство из имущества лейтенанта, заставило его и Эрвина всё сдать. Густав вскоре пропал – взяли в плен или был убит. О закопанных сокровищах знал теперь один Эрвин.

Фигурка непонятного зверя, зашитая в подкладку кителя,

сохранилась до конца войны. Не нашли ее в лагере и американцы. Через год после войны, Эрвин, читая в газете заметку о Мюнхенской глиптотеке, встретил фамилию бывшего командира лейтенанта Йозефа Брауна. Написал в музей и через день Йозеф, приехал к Эрвину в Штутгарт. Пытал, что стало с оставленными в плаще вещами. Судя по автомашине, костюму, богатому набору продуктов, что привез в подарок, бывший лейтенант не бедствовал, как Эрвин, и процветал при американцах. После долгой торговли, он купил у Эрвина фигурку крылатого кота за пятьсот долларов. Помог Эрвину добиться разрешения открыть автомастерскую.

Шли годы, жизнь налаживалась, Эрвин женился на Амалии. У неё были деньги. При автомастерской, открыли магазинчик, затем небольшое кафе, родили двух сыновей. Дети выросли и обзавелись своими домами. Вдвоем стало скучно в огромном доме, и после крушения Берлинской стены приютили у себя брата с сыном из ГДР. Племянник, услышав историю про скифское золото, загорелся уговорить дядю, немедленно отправиться в Россию. Благо с Горбачевской перестройкой, поездка в Россию не составляла проблему.

– Куда зовешь его?! На вид он еще ничего, держится. Семьдесят шесть ему!

– Будет еще, – поправил жену Эрвин, но о поездке в Россию слышать не хотел, хотя в мозгу уже крутилось, а что, если, и впрямь, поехать, вдруг Ольгу встречу. Зачем? Интересно, как жизнь сложилась.

– Мы с Алиной в Испанию на море отдохнуть собрались.

– В мастерской одного Якоба оставим? Нет, нет, и не думай! Пустая затея! Курортный город. Русские наверняка снесли развалюхи, в которых мы жили, все перекопали и построили новые дома. Что могло сохраниться за пятьдесят с лишним лет? Не уверен, что сумею отыскать дом, если еще стоит. Столько лет прошло! – отговаривал Эрвин племянника.

– А как ты представляешь пройти таможеню, если повезет, и что-то найдем?

– Придумаем, дядя. В советской зоне вырос, знаю русских. А вдруг! – не сдавался племянник. – Что ты теряешь? В Испанию с тетей Амалией всегда успеете.

Курт принес несколько Энциклопедий, и Эрвин с интересом прочитал, что ученые определили первобытным стоянкам на территории полуострова 7—10 тысяч лет. Скифы, сарматы, гунны, хазары, другие племена кочевников сменяли здесь друг друга. Листая Энциклопедию, Эрвин жалел, что в молодости не интересовался историей, а ведь мог расспросить лейтенанта, он любил учить и наверняка многое бы рассказал. Тогда Эрвина не интересовали предметы тысячелетней давности и разная музейная утварь. Их поиски были службой фатерленду.

После долгих отказов даже обсуждать поездку, Эрвин сдался. Не столько надеясь откопать артефакты, сколько посетить места молодости, где был счастлив. В старости про-

шное видится в розовой дымке. О каком счастье можно серьезно вспоминать, шла война, каждый день рисковал получить партизанскую пулю. Брат Якоб убедил. До Испании, куда обычно Эрвин с женой ездили летом отдыхать, согласился поехать с племянником в Россию. Правда, если быть точным, Крым теперь не Россия, а Украина, но для солдата вермахта существовала одна Россия, а не полдюжины государств, отколовшихся от великой страны.

Елена – яркая блондинка в серой мини юбке и красном топике медленно шла по Феодосийской набережной. Высокие каблукы подчеркивали стройность ее фигуры. Изредка она бросала взгляд на море, на пляж, в наступавших сумерках, уже малолюдный. Она не видела, скорее не замечала, прогуливающих курортников и редких местных жителей, выбравшихся к морю. Встречные мужчины рисковали свернуть шею, провожая Елену восхищенными взглядами.

В беседке, напротив популярного в городе ресторана «Африка», Игорь коротал время перед деловой встречей. Приближающуюся блондинку, он заметил издали, и не спускал взгляда с молодой женщины. Фигурой, сочетанием цветов одежды, она напомнила жену, и в груди у него ёкнуло.

Блондинка подошла к телефону – автомату, рядом с беседкой, и попыталась позвонить. Вблизи она оказалась красивой женщиной лет двадцати двух – двадцати пяти. Автомат не работал, и блондинка чертыхнулась.

– Третий автомат! Черт бы их побрал, не могут наладить! Что значит бесплатный.

Игорь пожалел женщину.

– Не знаю, как черт, а я помогу. Если не долго, воспользуйтесь, – он протянул свой мобильник. Пожалуйста.

– Спасибо! – она взяла трубку, набрала номер и сделала

несколько шагов за беседку.

– Это я... Что хотела, мама? Опять звонил Артур? Отключи телефон. Возьми в моей комнате мобильник, если захочешь позвонить. Он уже зарядился. Моего номера не давай. Зайду к Маргарите часа через полтора – два буду дома.

Она вернула трубку Игорю, поблагодарила.

– Так быстро? Извините, не подумав, ляпнул «не долго». Звоните, пожалуйста, сколько хотите.

Блондинка посмотрела на него, улыбнулась и стала еще больше похожа на Таню. Игорь засмутился, и, если бы не сумрак, она увидела, как покраснел.

– Благодарю вас, – повторила она, повернулась, и пошла в дальний конец набережной.

Лет десять назад Игорь остановил бы её, возможно, пошел следом, познакомился, может, и свиданку назначил. Сейчас растерялся. Все произошло слишком неожиданно и быстро. Внешностью и поведением незнакомка поразительно походила на жену. И он потерял контроль над ситуацией.

Теперь успокаивал себя, все равно ничего не могло получиться. Перенести встречу, ради которой проехал две тысячи километров и уговорил партнеров встретиться именно сегодня, никак нельзя. Решался вопрос поставки партии электродвигателей для кранового хозяйства порта.

Москвичи тоже положили глаз на Феодосийский порт. Пока руководство порта отдало предпочтение питерским двигателям, но договор еще не подписан, деньги не пере-

ведены. Следовало торопиться и ухо держать востро. Порт, как и весь Крым, лакомый кусочек для российского бизнеса. Не конкуренция, а настоящая война идет.

Игорь посмотрел на часы, до встречи оставалось минут пятнадцать. Решил подождать в ресторане и поднялся. В «Африке» сел за столик, зарезервированный хозяевами. Шумный ресторан, нависавший над пляжем, с аляповатыми искусственными пальмами не понравился. Особенно раздражали постоянные крики пьяных любителей прокатиться с вышки по крутому желобу и бухнуться в бассейн с водой в центре ресторана. «Может, вечером этот аттракцион не будет работать». Мысли прервали появившиеся представители порта.

В Феодосии Игорь планировал провести день – два, сколько потребуется на решение производственных проблем, захватить на день в Коктебель, к дальнему родственнику мамы, а затем махнуть в Ялту, там отдохнуть на полную катушку. На всю крымскую эпопею с дорогой, он позволил себе две недели. На больший срок покинуть Питер не мог, подчиненные совсем разленятся, перестанут рыскать в поисках заказов. Игорева фирма не велика – с ним пятеро. Четверо, как и он, инженеры – менеджеры, и бухгалтер Римма, по совместительству и секретарь. Пока он на месте, дела идут превосходно, стоит уехать в командировку или отпуск, поток заказов сокращается, а кто-то даже отказывается от сотрудничества с фирмой «Садко».

Лето 1996 года выдалось особо удачным для Елены. В Федосию зачастили иностранцы и ей, владеющей немецким и английским языками, перепадало много работы. Благодаря подруге, возглавляющей туристическое агентство, Елена третье лето подрабатывала гидом. Работать с русскими группами удавалось реже – конкурентов много. Больше работала с иностранцами. Курортное лето – единственная возможность поправить материальное положение. Что-то купить, обновить гардероб, сделать запасы продуктов на зиму. Раньше они с мамой жили в своем доме. Новые русские, или новые украинцы, – не знала, как правильнее назвать их, обещаниями приличной квартиры в центре и угрозами спалить дом с садом, заставили переехать в большой многоквартирный дом. Теперь они жили рядом с морем, имели двухкомнатную благоустроенную квартиру в престижном доме сталинской постройки. Елене и стареющей маме не приходится больше носить тяжелые ведра и собирать дождевую воду, нанимать мужиков для ежегодного ремонта, да много еще какой заботы требовал частный дом. Когда нет мужчины в доме, проблем возникает множество. Папа Елены умер, когда она еще училась в школе, маме оставался год до пенсии. На своей работе в аптеке она получала не зарплату, а пособие, которого хватало на хлеб.

Елена преподавала в школе немецкий, чтобы не забыть язык, выручала еще коллег – учителей английского. Вся зарплата уходила на питание. Когда жили в своем доме, с питанием обстояло легче. Имелся свой небольшой огородик, несколько яблонь, абрикосов и виноград, обвивающий веранду.

Из него надавливали по три ведра сока. Теперь выручал летний приработок в туристическом агентстве. Благодаря ему удалось сменить телевизор, приобрести музыкальный центр и видеомэгнитофон. На зарплату никогда бы не обзавелась этой техникой, без которой сегодня невозможно представить жизнь. В этом году Елена планировала купить новую стиральную машину. Пока в доме пользовались первобытной «Ригой», в которую ведрами заливали воду, а потом выливали. Точно такую стиральную машину она видела на американской ретроспективной выставке в Москве. В Штатах ею пользовались еще в 1906 году. Папа по-блату приобрел в шестидесятых, с тех пор она исправно служила. Заменяли только электродвигатель. С нынешней весны, проходя мимо магазина бытовой техники, где удобно расставлены для осмотра стиральные машины, Елена обязательно останавливалась, подолгу изучала чудо современной техники.

Елене двадцать четыре, и она не замужем.

После жестокого крушения единственного, еще полудетского романа, никого так и не встретила. Когда училась в Симферополе, поклонники осаждали, выскочить замуж

проблемы не составляло, но сердце не билось учащенно, как при виде Ромки, – её школьной симпатии. Не испытывала трепетного волнения при встрече самых красивых и обаятельных поклонников. Оставалась глухой ко всем знакам внимания. Для окружающих в университетские годы она представляла загадку. В читальне засиживалась до закрытия, подружки убегали на свидания, а она сидела в общежитии над учебниками. Не любила дискотеки, а если куда ходила вечерами, – предпочитала театр.

Причиной ее игнорирования мужчин стало предательство, от которого никак не могла оправиться. В девятом классе влюбилась в красавца и отличника Ромку Шевченко из десятого «А». Влюбилась без оглядки, как тургеневские девушки. Ромка виделся ей идеалом, воплощением всех положительных качеств, каким может быть наделен мужчина. Он долго не обращал на нее внимания. Оглядываясь назад, ей кажется, он догадался о ее чувствах. На новогоднем школьном балу Рома неожиданно признался, что давно влюблен, но не решался подойти. В первый же вечер полез целоваться, и Елена возмутилась, хотела убежать. Внутренний голос подсказывал, не целуются в первое свидание настоящие влюбленные. С новогодних каникул они стали встречаться, ходили в кино, Дом офицеров флота, на дискотеки в морклуб. Рома стал бывать у нее дома. Как и Елена, учился хорошо, был из интеллигентной семьи, и мама одобрила выбор дочери.

Встречи, долгие разговоры о смысле жизни и своем предназначении продолжались всю весну и сблизили их. Лена перестала стесняться, они обнимались, целовались. Его поцелуи обжигали приятным пламенем, ее переполняли чувства, неизведанные раньше. Сама научилась поцелуям. Дальше объятий и поцелуев не заходило. Первые сомнения в искренности Ромы, разочарование пришли, когда узнала, что, встречаясь с ней, Ромка с одноклассниками ходит к известным женщинам в рабочее общежитие швейной фабрики.

По случаю окончания школы Рома с друзьями выпил и был сильно навеселе. После выпускного вечера и общей морской прогулки стал домогаться близости. Лена воспротивилась, хотя давно испытывала любопытство, с волнением ждала и боялась этого момента. Часть одноклассниц давно позволяли «это», и в своем кругу горячо обсуждали, были в курсе всевозможных сексуальных проблем. В присутствии Лены не откровенничали, стеснялись, считали её маменькиной дочкой, не от мира сего, могла поднять вопрос о «неправильном» поведении на комсомольском собрании.

Мысленно Лена представляла «это» романтично. Отдаться в первый раз на жухлой траве, под кустами, где до них уже занимались «этим», не могла. Не нравился в этот вечер и сам Ромка. Был другим, незнакомым. Пытался силой овладеть ею, и она едва отбилась. Через день извинялся, что был пьян, однако заметил, ничего особенного не произошло, а она «ломака», строит из себя неизвестно кого. Лена оби-

делась и ушла. Он опять просил прощения, клялся в любви, обещал, как ей исполнится восемнадцать, они поженятся. Снова и снова заводил разговор на тему близости, уверял, без этого не будет крепка их любовь. Особенно когда уедет учиться в Киев, и целый год будет ждать, пока она окончит школу, приедет к нему, и они поженятся. А Лена все больше разочаровывалась в своем любимом. Последние недели перед отъездом в Университет, его словно подменили.

Школу Рома закончил с медалью и поступил без проблем в Киеве на физмат. С началом учебы прислал два коротких письма и всё. Лена написала с десятков, звонила. Продолжала любить, а он не звонил и не писал, объяснял, что учеба занимает все его время. К концу первого курса женился на профессорской дочке. Поняла, Роман не идеал, каким представлялся бессонными ночами, с кем мечтала вместе идти по жизни.

Минули университетские годы учебы, три года работы в школе, а она так и не встретила мужчину, которого любила бы. Феодосия город небольшой, оживал лишь в курортный сезон. Местные женихи наперечет. Знакомства с курортниками не признавала. А возможности возникали постоянно. Водила экскурсионные группы по городу, возила в Севастополь, Ялту, в пещеры. Молодые люди постоянно заигрывали с красавицей – экскурсоводом, назначали свидания, спрашивали адрес и телефон. Елена слишком хорошо изучила эту публику, чтобы завести роман с приезжим на от-

дых. Иностранные туристы – чаще пенсионные пары. Молодежь предпочитала европейские курорты.

Мама жаловалась знакомым, что не дожидаться ей внуков, дочь привередлива очень. Елена не считала себя такой. Просто смирилась, ей и с мамой хорошо вдвоем, не могла представить, чтобы в доме появился кто-то третий или оставить маму одну.

Как-то, шапочно знакомый телеоператор, известный в городе повеса Артур, вольный охотник за курортниками, желающими запечатлеть себя на фоне крымских достопримечательностей, напрасился в её экскурсионную группу в Карадагский заповедник. По дороге и в заповеднике Артур снимал красивые пейзажи, памятные места и, главным образом, экскурсантов на их фоне. Потом продал им видеокассеты с записями. За одну поездку заработал столько, сколько за месяц свободной охоты не имел.

В Феодосию Артур приехал из Ферганы, где работал на ТВ. До 1944 года родители жили в Феодосии, потом их, как всех караимов выслали. Возвратившись на землю предков, работы по специальности Артур не нашел, а ничего, кроме кинокамеры в руках не держал. Елена помогла Артуру найти стабильный заработок. Веселый, довольно эрудированный, с приятной внешностью, парень поначалу приглянулся и стал часто сопровождать её экскурсионные группы. Другая потребовала бы свой процент с его доходов, она постеснялась даже намекнуть. Он расценил её разрешение со-

проводить группы, как увлеченность им, и пригласил в ресторан. Лена отказалась и призналась, что с большим удовольствием сходила бы в первое в городе казино, недавно открытое, о котором много разговоров.

Давно хотела побывать, но одной не пойдешь, уговорить кого-то из незамужних подруг все никак не удавалось. Когда Артур выразил желание сводить, согласилась. Приглашение в казино восприняла как благодарность за помощь в заработке на курортниках, а Артур как начало любовной интрижки. Купил ей фишки, объяснил правила игры. Елена ставила на любимые цифры и zero, красное и черное, но фортуна ни разу не улыбнулась ей. Посещением казино осталась довольна, наконец-то, побывала в этом модном заведении. Артур проводил до подъезда, попытался назначить свидание. Визита в казино хватило понять, он не её идеал.

Артур не терял надежды и продолжал попытки закрутить роман, сделать любовницей. Несколько раз Лена пыталась поговорить с ним, узнать, чем занимается в свободное от видеосъемок время, он отделивался шуточками. Одна из коллег – экскурсоводов, предупредила, что Артур связан с бандитами. И все же, когда он попросил отвезти небольшой сверток в Севастополь, куда ехала с экскурсантами, она согласилась. Он на этот раз поехать с группой не мог. В Севастополе у входа в Аквариум, к ней подошел парень, судя по внешности, татарин, назвал ее по имени, и сказал, что она должна передать ему пакет от Артура из Феодосии. Елена

отдала, хотя, Артур сказал, за пакетом подойдут у памятника Нахимову.

На следующий день была экскурсия в Карадагский заповедник и на Биостанцию. Уехала из дома рано, вернулась поздно, усталая. Приняла душ, ужинать не стала и сразу легла. Едва заснула, как разбудила мама.

– Какой-то нахал, Артур, срочно требует к телефону.

– Скажи, сплю. Завтра пусть звонит, – ответила сквозь сон Лена. Телефон продолжал трезвонить, и Евдокия Андреевна вынуждена была поднять трубку.

– Лена спит, не здоровится ей. Завтра позвоните. Передам, что Артур звонил.

Артур продолжал уговаривать мать пригласить Елену к телефону, и Евдокия Андреевна выключила телефон из розетки.

Утром, едва Елена включила аппарат, телефон сразу же зазвонил.

– Ты кому отдала сверток? – вместо приветствия заорал Артур.

– Не ори, не понимаю ничего, когда кричат. – Она уже успела забыть, что кому-то, что-то передавала. – Я дал тебе небольшой сверток передать моему другу.

– А! – не сразу дошло до Елены. – Все в порядке. Передала. Не беспокойся. Из-за этого вчера нам с мамой спать не давал?

– Не получил он ничего.

– Как не получил? – удивилась Елена. – У Аквариума друг твой подошел, спросил, я и отдала.

– Где, говоришь, у Аквариума? – испуганно закричал Артур. – Я же сказал, у памятника Нахимову!

– Какая разница, там два шага. Парень лет двадцати азиатской наружности, назвал мое имя, спросил пакет от Артура.

В трубке пошли гудки. Лена села завтракать. Сегодня у нее не было экскурсантов, и занялась домашними делами. Перед обедом решила сходить на рынок. Неожиданно позвонила Даша и сказала, чтобы зашла, обрадует её.

Даша, возглавляющая туристическую фирму, встретила, как всегда, обнялись, расцеловались, словно не виделись много лет.

– Пляши! Представляешь, какой заказ? Сама бы взялась, да текучки много. Два немца по индивидуальному туру. На следующей неделе встретишь в Симферополе.

Индивидуальные и семейные туры высоко ценились у гидов. Работать с несколькими человек удобнее и легче, чем водить группу в двадцать – тридцать. Можно спокойно общаться, завести знакомство, на память обязательно что-нибудь подарят.

Поговорив о немцах, Даша принялась жаловаться на не дисциплинированных сотрудников, на тещу и тут в кабинет без стука ворвался Артур. Не вошел, а влетел.

– Извините, Дарья Михайловна, срочно нужна Елена.

– Что случилось, пожар, свадьба, решил сделать предло-

жение? – спросила Даша, зная Артура.

– Я бы с радостью, она не согласна. Поговорить необходимо. – Говори, у меня от Дарьи Михайловны секретов нет, – сказала Елена.

– Лучше выйдем, ты даже не понимаешь, как серьезно всё.

– Иди, Лена, раз разговор серьезный.

– Да ничего серьезного не может быть у нас, – успокоила она подругу и вышла вслед за Артуром.

На улице Артур признался, что в свертке была огромная сумма в зеленых и те, кто просил передать, теперь грозятся убить его, если не найдет деньги.

– Сделай людям добро, ты же и виновата. Парень ждал меня, назвал твоё имя, сказал, что я должна передать пакет, я и отдала.

– Тебя ждали у памятника Нахимову. У Аквариума встретил другой человек, каким-то образом узнал, что везешь большие деньги.

Что теперь будет?

– Не знаю. У тебя таких денег нет. Даже если продашь квартиру, не рассчитаешься. Что-то надо придумать.

– Знаешь, что, Артур, не вводи меня в свои бандитские разборки. Подозревала, чем занимаешься. Пожалела, взялась исполнить просьбу. Всё! Больше никаких дел с тобой. – Она повернулась уйти, он больно схватил за локоть.

– Подожди! Пойми, мне хана, если мы не найдем выхода.

– Отпусти! При чем мы? Ты один во всем виноват, не се-

рьезно отнесся к поручению. Сам и расхлебывай. Мне продавать квартиру? Ты не в своем уме. Кто мне – брат, муж? Я могу и милиционера позвать.

Артур отпустил ее и несколько секунд стоял молча, соображая, что делать.

– Не обижайся, Лена. Сам не свой, не представляю, что делать. Извини. – Он замолчал, потом вдруг быстро заговорил. – Давай, так поступим. Я сведу тебя с ребятами, и ты подробно опишешь парня, взявшего деньги.

– Отстань от меня! Ни с кем я не намерена встречаться. Тем более с бандитами. До свидания, я на рынок шла, ты задержал. – Елена повернулась и ушла. Артур еще постоял в нерешительности и повернул в обратную сторону.

Вечер Елена провела у Риты Травиной. Маргарита позвала посоветоваться брать или не брать «моднячий» костюм, предложенный знакомыми. Вернулись из Италии и оказались на мели. Костюм великолепно сидел на Маргарите, был строгого синего цвета и шел подруге. Елена искренне порадовалась за нее и посоветовала обязательно взять. В отличие от нее, Рита не стеснена в средствах.

Около девяти вечера Елена подходила к своему дому. У подъезда ее окликнули. Она повернулась, и тут ей зажали рот, двое мужчин подхватили на руки и понесли к стоящей рядом машине. Что было дальше, не помнит. Пришла в себя в большой казенной комнате, напомнившей гостиничный номер. В комнате было пятеро мужчин, знала она одного Артура. Первая мысль – как оказалась тут?

– Пришла в себя? – спросил высокий накаченный мужчина с короткой стрижкой.

– Извини, пришлось применить силу, ты не пожелала помочь, – объяснил Артур.

– Как я оказалась здесь, почему ничего не помню? Сознание потеряла?

– Потеряла, – заговорил один из мужчин, более симпатичный парень с длинными волосами.

– И деньги потеряла, или отдала? Кому отдала?

– Знать не знала, что деньги. Обычно предупреждают. Знала бы, ни за что не взяла.

– Как выглядел пацан, которому передала их? – наседали парни, явно бандитского вида.

Большинство из них в свое время прошли жестокую школу в известной бандитской группировке Башмакова – «Башмака». К осени 1997 года республиканские власти полностью разгромили бандитскую мафию и менее организованные формирования в крупных городах Крыма. Кто не попал за решетку, и остался жив, возвратились в родные места, и, оставшись без дела, вскоре вернулись к привычному образу жизни, стали объединяться в преступные группировки, масштабом поменьше. В Феодосии самую крупную группировку организовал Думай. Операцию его людей и сорвала случайно Елена.

– Постарайся подробнее вспомнить. Особые приметы – нос, татуировки, волосы.

Лена как могла, обрисовала парня. Братву интересовали детали, в какой обстановке Артур передавал ей пакет, кто стоял рядом, не говорила ли кому о поручении. Её рассказ кого-то напомнил, и они несколько минут перебирали известных им людей.

– Наш кто-то предупредил! – медленно проговорит невысокий плотный парень с короткой прической, откликнувшись на имя Думай. Он крепко выругался и посмотрел вопросительно на Олега.

- Не твоих бывших дружков дело? В асфальт закатаю!
- Подозреваешь меня? Неделю не был в городе.
- Давно говорю, среди нас человек Ахмеда, – сказал Ник.
- Можно мне уйти? Мама беспокоится, звонит, по боль-

ницам, в милицию, – сквозь слезы спросила Елена.

Один из парней протянул ей мобильник.

– Позвони мамочке. Скажи, ночуешь у подруги. Утром поедем в Севастополь, проверим все на месте. Если не заливаешь, отпустим.

– Мама с ума сойдет от волнения, – проговорила она, вытерла слезы и позвонила, что остается у Риты.

– Ник, у Косого в компьютере фейсы севастопольской братвы, – заметил Олег, бывший член одной из севастопольских группировок. – Свяжись с ним. У него теперь диски Папы. После убийства Женьки Поданова, он забрал его компьютер.

– Если пацан молодой, вряд ли, – сомневался Думай. – Столько времени прошло.

Думай тоже начинал у «башмаков» и помнил те лихие дни, когда убили обоих его боссов. При убийстве второго даже присутствовал. С пацанами Виктора Викторовича, как уважительно называли Башмака – главаря банды, шестерки, он помогал жене погибшего босса Людмиле в устройстве поминок. Специально выбрали кафе недалеко от дома Башмака в грэсовском поселке. Девятый день гибели босса стал последним и для его верного соратника Женьки Поданова –

Папы. Люди собирались в «Калинку», когда в кафе ворвались «греки» с парнями из группировки Алика – Олега Дзюбы и открыли стрельбу. Результат – пять трупов и четверо покалеченных. Думаю пришлось вернуться в родную Феодосию и на время залечь. В городе детства он вскоре завоевал авторитет в местной группировке, нашел себе прибыльный бизнес, и в Симферополь не вернулся.

Ник достал сотовый, набрал номер и долго ждал, пока Косой ответит. Рассказал, что они с Думаем хотели бы приехать и посмотреть на его компьютере кое-кого из друзей. Пока Ник говорил по телефону, во дворе сработала сигнализация на машине Дума. Он выглянул в окно и выматерился.

– Слава, сбегай! Ну, подонки, никакого понятия! – И тоже выскочил в коридор. Оставшиеся парни, забыв про Елену, подошли к окну, открыли. Снизу слышалась ругать, выяснение отношений.

Елену трясло от страха. Пятеро здоровых бугаев на все способных, что ожидать от них, лучше не думать. Неожиданно пришла спасительная мысль, дверь не заперта, если это гостиница, пока все устали в окно, можно попытаться сбежать. Бросилась к двери, выскочила в коридор и поняла, она в «Астории».

Переговоры с феодосийскими заказчиками прошли

успешно, все остались довольны друг другом. На завтра осталось зайти в управление порта, встретиться с начальником и подписать договор. Посидели до полуночи, Игорь расплатился, и компаньоны проводили его до «Астории», гостиницы, рекомендованной в Питере. Всем оказалось по пути.

В номере он принял душ, и прежде чем завалиться спать, вышел в плавках на небольшой балкон. С него открывался вид на вокзальную площадь, скульптуру стандартного Ленина. Внизу в открытом ресторане еще шумели, по улице возвращались со свидания парочки. Игорю захотелось курить, и он вернулся в комнату, достал пачку «Esse», поискал зажигалку и не нашел. Вообще-то он не курил, лишь изредка позволял себе подымить для успокоения дорогими дамскими сигаретами, которые держал для гостей. Пришлось накинуть халат и выйти в коридор к дежурной по этажу. Ни спичек, ни зажигалки у нее не оказалось. Объяснила, что можно позвонить в бар и официант принесет все, что угодно. Ночной сервис приятно удивил, и он поторопился к себе.

Вдруг из номера с противоположной стороны коридора выскочила женщина и бросилась к Игорю. Он только успел открыть дверь, как женщина, оттолкнув его, заскочила в номер.

– Закройте! – быстро проговорила она. – Постучат, не открывайте, прошу, вас!

Из коридора слышалась ругань, быстрые удаляющиеся шаги, топот ног нескольких человек. Игорь оторо-

пел. «Не хватало влипнуть в разборки». Женщина прошла на балкон и задвинула штору. Он вышел к ней, и неожиданно узнал блондинку, похожую на жену, которую видел на набережной, давал свой мобильник.

– Что случилось? – спросил он.

– Потом. Не открывайте, пожалуйста.

Из коридора не доносилось никаких звуков. Искать её в номере Игоря не решились, или посчитали, успела выскочить на улицу.

Игорь был не против приключений. Но во втором часу ночи, когда в любую секунду может ворваться разъяренный любовник или еще кто-то, от кого сбежала... Объясняться совершенно не улыбалось.

– Кто вас преследует?

Незнакомка молчала.

– Я должен знать, кого спасаю. От кого.

Девушка продолжала молчать, он увидел, она плачет, плечи ее вздрагивали, из сумочки достала платочек. Игорь обнял ее за плечи, повернул к себе.

– Так и будем молчать? Два часа ночи, мне рано вставать.

– Дайте мне стул, я на балконе посижу и скоро уйду. Вы ложитесь.

– Спасибо за разрешение. Объяснитесь, в конце концов! Ворвались, ничего не хотите говорить. Вы меня узнали?

Незнакомка обернулась, сквозь полуоткрытые шторы луч света из комнаты упал на ее лицо, и Игорь вблизи рассмотрел

незнакомку. Похожа, и не похожа на жену. Красива.

– Мы встречались? – заговорила она, впервые посмотрев на своего спасителя.

– Да, не зря говорят, девичья память коротка. Вечером на набережной звонили кому-то с моего мобильного, жаловались, ничего не получается.

– Вы?... Правда... В тот момент, когда открывали дверь, готова была броситься с балкона. Ну, и заскочила. Извините, я скоро уйду.

– Теперь кинуться с балкона, надеюсь, не намерены? – Она покачала головой. – Раз уж оказались у меня, спасу, но хотел бы знать, кого и от кого спасаю. Для начала, может, представимся? Меня зовут Игорь.

– Елена, – назвалась незнакомка. – Я не проститутка, не воровка.

– На путану не похожи, верно. Что все-таки случилось, выскочили как ошпаренная?

– Деловая встреча. Не выполнила поручение.

– И вас решили наказать?

– Вроде этого. Извините, не могу все рассказать. Не помню, как оказалась в гостинице. Еще часик и уйду.

Елена заинтриговала, оставить её на балконе, а самому лечь, Игорь не мог позволить себе.

– Я лягу на диване в гостиной, а вы проходите в спальню. Отдохнете до утра, а там будет видно. Раньше вам не следует выходить. Не трону, не бойтесь. – Дальше зачем-то при-

бавил.

– Очень устал. Четырнадцать часов за рулем от самой Москвы.

Елена улыбнулась.

– Устали, и могу не опасаться? А если бы не устали?

– Вы, оказывается, любительница пошутить. Если имеете в виду секс, всегда готов, как бы ни устал. В нашем случае ситуация другая. Мама учила остерегаться случайных связей.

– Во всем слушаетесь мамы?

– Слушаюсь. А вы?

Она ничего не ответила. Игорь прошел в спальню, взял одну из подушек и простыню, постелил на диване и, не снимая халат, лег.

– Устраивайтесь.

– Спасибо. – Она вернулась в номер, сходила в ванную и пошла в соседнюю комнату.

Утром, проснувшись, Игорь не сразу врубился, почему спал на диване. Прикрылся халатом и вышел в соседнюю комнату. Кровать была убрана, очевидно, и не разбирали. Ночной гостьи не было. Он вернулся в гостиную, поискал, может, оставила записку. Нет, никаких следов. В голову ударила мысль, а целы вещи? Открыл шифоньер, проверил внутренний карман пиджака. Должны были быть сотни две долларов мелкими купюрами и пачка гривен. Все оказалось на месте. Открыл чемодан, проверил потайной карман, где

лежали еще доллары. И здесь все на месте. Отругал себя, зря плохо подумал о девушке. По ней видно – не воровка, инстинкт заставил усомниться.

«Жаль, знакомство неожиданно оборвалось. Кадр достойный внимания. Хотя, зачем, если собираюсь в Ялту»? Время торопило, он быстро принял душ, перекусил в буфете, ресторан еще закрыт, и пешком направился в управление порта.

Вместе со вчерашними участниками переговоров их пригласили к начальнику порта. Невысокий плотный седой мужчина, с обветренным морскими ветрами лицом, очевидно в прошлом капитан, тепло принял Игоря, хорошо отзывался о питерских электродвигателях и извинился, что сегодня договор подписать не удастся. Юрист срочно уехал в Симферополь, а без него никакие договора не подписываются.

– Отдохните денек, позагорайте. Хотите, прогулку по заливу устроим?

Игорь поблагодарил за приглашение и отказался. Решил вместо прогулки и пляжа съездить в Коктебель, избавиться от висевшего поручения, чтобы завтра после подписания договора сразу отправиться в Ялту.

Только под утро, Елена решилась выйти из номера своего спасителя. Она осторожно прошла по коридору, никого не встретив, спустилась на первый этаж, прошмыгнула мимо бюро регистрации, опасаясь, что узнают, и выскочила на улицу. Оглянулась, никто не гнался. Через пять минут поднялась в свою квартиру.

Мама проснулась.

– Обещала ночевать у Риты.

– Не спалось в гостях.

– В этот час на улице могли встретить пьянчуги, бомжи обидеть. В другой раз вовремя возвращайся или уж оставайся у подруг до утра.

Сколько проспала, Лена не поняла, показалось, только закрыла глаза, а мама уже будит. – Вставай, гости пришли, – испуганно сообщила она. – Ворвались, я не успела открыть, они оттолкнули. Хотят поговорить с тобой. Приятные друзья у тебя появились! Говорю, спишь еще, а они слушать не хотят.

Еще не увидев гостей, Лена поняла, кто пришел. Маме не стала объяснять, быстро оделась, вышла в гостиную.

По – хозяйски развалившись, в комнате сидели Артур и Ник – самый приличный, как вчера показалось, из всей компании. Он и заговорил первым.

– Лена, не волнуйтесь, никуда ехать не нужно. Двадцатый век. Сходим недалеко, на Галерейную. В Интернет – клубе посмотрим фотографии, и будешь свободна.

– Позвольте, я умоюсь, оденусь, – предупредила она и пошла в ванную комнату. Евдокия Андреевна, напуганная больше дочери, не понимала, что происходит.

Елена собралась и вышла к парням.

– Пойдемте.

– Куда её ведете? – не преодолев испуга, взмолилась мать.

– Через полчаса вернется дочка, не волнуйтесь, – успокоил Евдокию Андреевну Ник.

– Мама, все хорошо, я скоро вернусь, – она поцеловала мать и прошептала, – не волнуйся, все будет хорошо.

В Интернет – клубе их ждали Думай и несколько парней. Думай сидел перед дисплеем компьютера и рассматривал на экране фотографии. Ник принес два стула, посадил Елену, на другой сел сам. Артур остался стоять.

– Смотри внимательно, постарайся узнать, кому отдала деньги, – сказал Думай, и медленно начал менять кадры, укрупняя их. На третьем или четвертом Лена попросила остановиться, внимательно рассмотрев, сказала, что похож, но, кажется не он. Думай показал еще несколько фотографий и на пятой или шестой Елена уверенно воскликнула.

– Вот! Его рубашка. Он!

– Уверена? – спросил Ник.

– Я педагог. У нас отличная память на лица.

Думай послал Артура к столу администратора, включили принтер и напечатали фотографию. Отпечаток показали Елене, еще раз спросили, уверена ли, что этот пацан, взял у неё сверток у Аквариума.

– Всё с тобой, а ты боялась. Гуляй, свободна!

– Не сбежала бы ночью, и маму не пришлось волновать, заходить к тебе, – миролюбиво заметил Ник и прибавил. – Будет лучше, если не станешь распространяться. Гуд бай, красавица!

– Лена, извини, что все так случилось! – подошел Артур. Сегодня, как и вчера в номере, он молчал и испуганно ждал своей участи.

– Пошел ты! – сказала она, и покинула клуб. Дома пришлось рассказать все матери, пообещать, никогда не браться за подобные поручения.

Позавтракав, позвонила Даше, предупредила, что собирается в Коктебель. Работы в агентстве сегодня не было. В музей Волошина приехал знакомый профессор из Германии, специалист по русским художникам начала века. Прошлым летом, она была у него переводчицей. В этот приезд кто-то его сопровождал, однако вспомнил и позвонил Елене, сказал, что желает встретиться, привез подарок. Даша предложила подождать до двенадцати, будет экскурсия и Лена доедет на туристском автобусе, Елена отказалась.

– Такси – маршрутка всего две гривны, не буду время терять. Маму предупредила, что останется ночевать у Веры

Мамоновой, соседки по прежнему жилью. С Верой выросла на одной улице, дворы разделяла изгородь из ежевики. Когда начали сносить их дома, Елена с мамой переехали в центр, а Мамоновы выторговали себе Коктебель, где у них родня.

Поцеловав маму, Елена отправилась на городскую автостанцию у базара.

Отказавшись от морской прогулки по Феодосийскому заливу, Игорь вернулся в гостиницу, переоделся, взял пляжные принадлежности и отправился на автостоянку. Под задним сидением в машине открыл холодильник, убедился, что питерские конфеты не поплыли от жары. Мама посылала их своему двоюродному брату. Его давно потеряли, не знали, жив ли, и вдруг, недавно письмо. Жив, преуспевает в Крыму, зовет в гости.

– Тебе необходимо познакомиться, – решила она. – Следует восстановить контакты. Он родственник, приглашает отдохнуть у них. Море в трех шагах.

Игорь на это заметил, что при папиной должности и его заработках, давно не существует проблемы, где отдохнуть. Могут позволить себе фешенебельную гостиницу не только в Крыму, а на Лазурном берегу. Однако, посылку с неповторимыми питерскими наборами конфет и фотографиями родственников, что хранились в их доме, взял.

До Коктебеля доехал быстро, там долго петлял, расспрашивая как подъехать к Дому творчества писателей, дядя жил рядом.

Дом оказался новым четырехэтажным особняком, судя по количеству сушившихся пляжных принадлежностей, густо заселенным курортниками. Игорь не успел выйти из машины, как, сидевшие на скамейке перед домом, бабульки сообщили, что ничего не сдается, все давно сдано, посоветовали и не искать в этом районе.

– Мне ничего не надо. Я ищу Вадима Сергеевича. Судя по адресу, он здесь живет.

После долгих расспросов появилась Варвара Петровна – жена Вадима Сергеевича. Узнав, что за гость, обнялась с Игорем, выговорила соседкам, что не пригласили сразу в дом, и повела в квартиру. Дядя работал в строительной фирме каким-то начальником и на весь день уехал в Судак, не ожидая гостей.

К удивлению Игоря, в доме оказалось всего четыре квартиры. Дядина, как и другие, была в двух уровнях и занимала третий и четвертый этаж. Сколько комнат, Игорь не определил. Понял, что не меньше пяти, и часть сдавалась курортникам. Обстановка современная. Дорогая аудиоаппаратура, телевизор, компьютер. Жили в этих хоромах вдвоем. Старший сын в Севастополе, дочь в Москве. Игорь оценил обстановку и с усмешкой подумал: «Для полного счастья хозяевам не хватает двух коробок конфет и бутылки фирмен-

ной водки „Гжелка“ питерского завода „Левиз“. Всё мама!»! Варвара Петровна дотошно расспрашивала о семье, как до-ехал, что за дела в Феодосии. Рассказала, что раньше жили в Саратове, муж работал в строительном тресте. Кто-то сплавлял налево стройматериалы, а обвинили мужа и дали пять лет. Срок отбывал в Сибири, на золотых приисках, она, как декабристка, поехала за ним. После трех лет попал под амнистию. Но на Большую землю не вернулись, и еще пять лет трубили там. Скопили на дом, переехали в Крым. Когда Украина получила «незалежность», с друзьями отгрохали эту домину.

– Как вернулись на Большую землю, занялся поисками родственников и никого не нашел. Двоюродная сестра Вера раньше жила в Москве.

– Мы больше десяти лет в Питере. Отца перевели в Ленинградский военный округ, и все переехали.

– Вадим искал в Москве. – Помолчав, продолжила расспросы. – А Вера с Петром Васильевичем, не приедут?

– Отец работает. В бархатный сезон обычно выезжают куда-нибудь на юг. Отцу дают путевки.

– У нас постоянно юг и некуда ехать. – Когда, кажется, обо всем переговорили, спросила.

– Перед обедом душ примешь с дороги?

– Лучше, схожу на море, окунусь. Здесь, показалось, недалеко.

– Рядом. Вдоль забора писательского дома, мимо музея,

и будет пляж. Пешком. На машине не подъедешь. Её загоним в гараж, чтобы не грелась на солнце.

Они спустились во двор, Варвара Петровна восхищенно осмотрела машину.

– Что за модель? Такой еще не видела?

– «Ягуар».

– У Вадима девятка «Жигули». Была шестерка, семь лет ездил. За восемьсот долларов еле – еле продал.

Игорь объехал дом и с тыльной стороны въехал в просторный подземный гараж, где уже стояли двое «Жигулей» и старенькое «Вольво». Места оставалось еще на три – четыре машины. С размахом строили, с прицелом на курортников с машинами.

Тетя закрыла гараж на цифровой замок, и показала Игорю куда идти.

– Только не долго. Пообедаем, и до возвращения Вадим Сергеевича, еще успеешь закупаться.

«Могла сразу позвонить мужу, наверняка у него сотовый», – подумал Игорь, но не сказал. Времени впереди предостаточно.

Пляж оказался рядом. Игорь несколько раз бывал в Коктебеле, приезжал с Татьяной из Ялты на экскурсию в музей Волошина. В последний приезд в сентябре после Ялты здешний пляж показался малолюдным. Сегодня полно народу, и он с трудом нашел кусочек свободного пространства на галечном берегу. О топчане нечего и мечтать. Расстелил неширо-

кую подстилку, привезенную с собой, застолбил место, неторопливо разделся и пошел в воду.

Вода понравилась. Градусов двадцать четыре, не меньше. Заплыл подальше от шума на мелководье, за буйки и, растянувшись на спине, блаженствовал. За два месяца лета в Питере лишь несколько раз удалось съездить на озеро в Тарховку и к Петропавловке на Неве, где вода очень холодная.

Возвращаясь с пляжа, Игорь зашел выпить пива в открытом кафе на берегу. Взял бокал, сел за пустой столик. Оглянулся, народу мало, и вдруг за одним из столиков увидел свою ночную гостью – Елену. Она сидела с двумя иностранцами и весело болтала по-немецки, временами переходила на английский, переводила непонятные термины второму собеседнику. Говорили громко, и больше по-немецки, Игорь понял, о Волошине и его картинах. Немецкого он не знал, а английским владел прилично, мог общаться. Выждав паузу в разговоре, подошел к их столу, извинился и спросил Елену, все ли в порядке, никто больше не преследует.

Она сказала, что-то по-немецки собеседнику, и повернулась с удивленным лицом к Игорю.

– Извините, обознались, молодой человек. Кто может меня преследовать?

Игорю стало неловко. «Зачем влез в разговор, да еще напомнил не о самом приятном. Не пожелала признаться в знакомстве. Хотя какое знакомство? Обменялись несколькими фразами. Уступил свою кровать, мучился на диване. Не мучился, положим, а спал как убитый после трудного дня. Но в любом случае достоин хотя бы улыбки». Вместо того чтобы уйти, пиво свое допил, Игорь продолжал стоять, в ожидании не известно чего.

Неожиданно один из собеседников Елены громко сказал по-английски.

– Что за неучтивый мужчина! Не понимает, у нас приватный разговор.

– Раз приватный, мешать не буду, извините, – на прекрасном английском ответил Игорь. В глазах Елены мелькнуло удивление, и она произнесла по-английски:

– Надо бы знать, молодой человек, не прилично вмешиваться в разговор незнакомых людей. Оставьте нас, пожалуйста! – Извините, действительно обознался, принял за другую. Вы не могли прошлой ночью вломиться ко мне в номер, – по-русски произнес Игорь с сарказмом и покинул кафе.

Вадим Сергеевич приехал после шести. Игорь опять оказался за столом, и снова пришлось рассказывать о семье и цели приезда в Крым. Дядя – жизнерадостный, невысокий, совершенно седой, плотный мужчина искренне обрадовался Игорю. По – отечески обнял племянника, отругал, что не предупредил о приезде. Подробно расспросил о родителях, интересовался его бизнесом, рассказывал о своей жизни. За рюмкой последовала еще одна, и пришлось нарушить планы, остаться ночевать.

Проснулся Игорь рано, и прежде чем ехать в Феодосию, стараясь не шуметь, собрался искупаться в море. Спустившись со своего этажа, хозяев застал на ногах. Варвара Петровна хлопотала у газовой плиты, дядя кого-то отчитывал

по телефону. Увидев Игоря, быстро закончил разговор.

– Что так рано? Спал бы еще. До Феодосии двадцать минут езды.

– Не спится. Сбегаю на пляж. Дома у меня по утрам спортивная ходьба, зарядка и контрастный душ. На берегу сделаю зарядку.

– Правильно. Здоровье надо поддерживать с молодости. В спортзал, качаться не ходишь? Смотрю, фигура спортивная.

– Изредка, если за кампанию, или время свободное вдруг выдастся. Времени постоянно не хватает.

– Жениться тебе надо. Погоревал – погоревал и хватит. Жизнь продолжается, – заметила Варвара Петровна.

– Татьяну никто не заменит.

– Время вылечит, – поддержал жену Вадим Сергеевич. – Ну, иди, купайся. Я пока машину свою посмотрю, вчера стук откуда-то появился, а ты, – он повернулся к жене, – давай готовь, не задерживай с завтраком.

– Только около девяти часов Игорь покинул дом гостеприимных родственников. Чтобы не плутал по закоулкам, Вадим Сергеевич на своем «жигуленке» проводил его до Феодосийского шоссе. Прощаясь, взял слово, перед отъездом домой, обязательно заехать. Игорь помахал рукой дяде, и включил мотор. У рынка на обочине, заметив двух голосующих женщин, пожалел и остановился. В одной неожиданно узнал Елену. «Везет на встречи с красавицей!» – по-

думал. Она его не сразу узнала и спросила.

– Ваша машина? Классная.

– Со стоянки увел. Маршрутки ходят редко, ждать не могу, а я тороплюсь в Феодосию.

Елена в нерешительности остановилась. «Шутит? Живет в шикарном номере, говорит по-английски. Хотя, нынешние авантюристы способны на все».

– До Феодосии подбросите? – спросила спутница Елены.

– На угнанном авто?

– До Феодосии не остановят, надеюсь.

– Смелые женщины. Вас, довезу, садитесь, – сказал Игорь. – Елену нет!

Вера удивленно посмотрела на подругу.

– Вы, оказывается знакомы, что ж молчала?

– Довелось.

– Чем вам Лена насолила? Скромная, обаятельная, должны гордиться, красавица соглашается сесть к вам! К тому же, рискуя быть задержанной, как сообщница, – возмутилась Вера.

– Спросите её, почему вместо благодарности за спасение, вчера в присутствии иностранцев грубо отчитала как мальчишку.

– Сами виноваты! Мы, кажется, квиты. – Переглянувшись с подругой, сменила гнев на милость. – Обидела, простите. Не подумала и ляпнула. Но вы! Признайтесь, после моего замечания повели себя не порядочно. Что теперь иностранцы

думают обо мне?

– Так важно?

– Известный немецкий доктор искусствоведения. Мы знакомы несколько лет.

– Приношу искренние извинения. Согласен, с моей стороны мальчишеская выходка. Непреодолимо потянуло познакомиться. Вы напомнили жену, и я проникся необъяснимой симпатией. В позапрошлый раз неожиданно сбежали, ничего не объяснив. Садитесь, постараюсь искупить вину. Довезу.

– Садись, раз приглашает, – сказала Вера, – Еще передумает. Если машина ворованная и задержат, звони немедленно Сергею. Мобильник не забыла?

– Рискнуть? – улыбнувшись, спросила Елена и, не ожидая второго приглашения, не спеша, села рядом с Игорем. – Шикарная тачка. Особенно пантера в прыжке на капоте. В нашем городе такой машины вроде не видела.

– Не обидите Лену? Запомню номер вашей машины. Если что с ней случится, муж из-под земли достанет.

– Ой, боюсь, напугали! Он у вас крутой? – улыбнулся Игорь. – Постараюсь доставить в целости и сохранности.

– Ладно тебе, Вера, ничего со мной не случится. Иди, мы поедem. – Позвони, как доехала. – Она помахала Елене, Игорь нажал сцепление, и машина рванула с места.

– Честно, тачку увели или ваша?

– Вы как думаете?

– В наше время все может быть.

– Успокойтесь. Моя машина. Вы специально все время попадаетесь мне?

– Надо было! Что-то ноги стали замерзать. Внизу у вас холодильник?

– Кондиционер. Я уменьшу мощность.

По дороге Елена рассказала, что приезжала встретиться со знакомым профессором – искусствоведом из Берлина, изучающим творчество Волошина. Его спутник американец неплохо владеет русским, и напоминание Игоря о ночном происшествии оказалось совсем не кстати. Утром в гостинице хотела оставить записку с благодарностью, но не нашла авторучки. Надеялась еще встретиться и отблагодарить за кров. Если бы в ресторане с иностранцами первая увидела, обязательно подошла, извинилась за ночное вторжение.

– Извините еще раз. Увидел вас, и ум за разум зашел, очень уж хотел познакомиться.

– Вы в Коктебеле, с какой миссией? Собирались остановиться на отдых, и не понравилось?

– Не угадали. Выполнял родительское поручение. Посетил родственников, которых до вчерашнего дня не знал.

– Познакомились и обратно в Феодосию? Хотя бы музей Волошина посетили.

– Несколько раз бывал. В последний, три года назад с женой специально из Ялты приезжали. Поднимались на Кучук – Енишары к могиле Максимилиана. Тогда же побывали в Старом Крыму у Грина, в Феодосии – у Айвазовского.

– У вас тяга посещать могилы великих?

– Почему? Просто считаю долгом поклониться тем, чье творчество или жизнь произвели впечатление, оставили след в душе. А вы бывали на могиле Волошина, на горе?

– Давно, студенткой с друзьями. Название Кучук – Енишары запомнили с прошлого посещения, или недавно услышали и хотите сразить эрудицией?

– Ага. Образованность свою «хочим» показать.

Они помолчали, Елена заговорила первая.

– Долго пробудете в Феодосии?

– Завершу дела и поеду в Ялту. Отдохну с неделку.

– Не нравится у нас?

– Скучно. В галерее Айвазовского бывал не раз, дома шикарный альбом репродукций. Когда хочу вспомнить море, открываю. В музеях Грина и дельтапланеризма тоже бывал. Краеведческий после Симферопольского и Керченского большого впечатления не произвел.

– А знаете, что наш краеведческий музей самый старый на Украине?

– Читал.

Она внимательно посмотрела на него, Игорь на неё. Взгляды их встретились и оба замерли, словно поспорили, кто первый не выдержит и отвернется. «Не будь нужды следить за дорогой, я выдержал бы дольше, – подумал он. – Красивая женщина! Попробовать пригласить в Ялту»?

– Так и не объяснили свое ночное вторжение. Внезап-

но ворвались, неожиданно ушли, не попрощались. Другой на моем месте из номера выставил бы, не стал цацкаться.

– Или потащил в постель, – перебила она.

– У вас примитивное представление о мужчинах. Или в Феодосии они такие?

– Не знаю.

– Что ж тогда судите?

– Приехали без жены, в Ялте надеетесь закадрить подружку?

– Возможно. Что касается жены, – он замолк и после паузы договорил. – Схоронил два года назад. В любви и согласии прожили восемь лет. Детей, не торопились завести, все откладывали. Хоть ребенок остался бы, а так один. Всех теперь сравниваю с Татьяной.

– Сравнение всегда в ее пользу? – перебила Елена.

– Да. Вы внешностью напомнили её. Я уже говорил. Внешностью. Что за человек не знаю, и вряд ли узнаю. – Он замолчал, вдруг подумав, с чего это разоткровенничался. Хотя, только дорожному попутчику и можно излить душу.

Она догадалась, о чем он думает.

– Замолкли, – нарушила она возникшее молчание. – Раскаиваетесь, что разоткровенничались?

– Не знаю. Не привык вешать личные проблемы на кого-то.

– Вы же сказали, я похожа на жену, вот и растяли. Ничего удивительного.

– Похожи, – согласился он и опять надолго замолчал. Она тоже молчала.

– Откуда вы, если не секрет?

– Из Питера.

Когда свернули с Симферопольского шоссе и въехали в город, Игорь предупредил:

– Я еду на улицу Ленина к управлению торгового порта, где вас высадить?

– Я недалеко живу. – Она долго молчала и вдруг решительно заговорила. – Извините, что я так прямо, без предисловия. В нашем провинциальном городе не часто встретишь интересного собеседника, вы меня заинтриговали. Может судьба познакомиться нам ближе, а мы сейчас расстанемся и всё. Мне 24 года, я школьная учительница. Замужем не была, бой – френда нет. – Она опять замолчала, потом нерешительно проговорила: – Если окажется свободное время, и желание, можем продолжить разговор о творческих личностях, которые произвели впечатление и оставили след в душе? Вечером на набережной, – она внимательно посмотрела на него, ожидая реакции. Про себя подумала: «Какая дура! До чего докатилась – сама назначаю свидание, клею, как нынче говорят».

Игорь с детства нравился девочкам. В школе искали дружбы с ним, в институте ссорились из-за него, а когда овдовел, так просто атаковали. Редко кто предлагал себя так прямо, если не считать гостиничных проституток, названи-

вавших в номера. Он повернулся, оглядел её оценивающим взглядом.

– Поехали со мной в Ялту.

Лена опешила, не ожидала, ничего не обещающее предложение продолжить разговор о знаменитых земляках, даст повод принять ее за искательницу приключений.

– В качестве кого? Содержанки, проститутки?

Игорь пожал плечами.

– Не знаю. Я один, у вас каникулы. Женщина вы интересная, меня тоже заинтриговали, я любопытен вам. Снимем приличную гостиницу, у меня есть рекомендации. Проведем интересно время.

– Ничего вы не поняли, – огорченно произнесла она. – Никуда я не поеду. Остановите, я выйду.

Игорь подъехал к тротуару и остановился. До рынка оставался еще квартал. Она вышла, не поблагодарила, не попрощалась и пошла. Игорь постоял, ожидая, что обернется, помашет. Стало стыдно. «Она была искренна. Я ей понравился, понимая, вряд ли еще увидятся, решила пригласить на свидание. А я... Как платной проститутке предложил Ялту».

Она не обернулась. Игорь тронулся, обогнал её и поспешил в порт.

В дирекции его ждали. Все бумаги, подписали без проблем. Он предложил отметить событие в ресторане, хозяева предпочли посидеть в кабинете начальника погрузо-разгру-

зочных работ. На столе появился коньяк, шоколад, секретарь принесла бутылки с минералкой и лимоны. Игорь пригнул рюмку и больше пить не стал, сославшись, что за рулем и еще ехать в Ялту. Портовики обещали и в будущем иметь контакты с питерской фирмой Игоря. Его проводили, дали телефон и визитку директора гостиницы Ялтинского порта, на случай если не найдет где остановиться.

В Симферополь Эрвин с Куртом прилетели в полдень, потеряв час на разнице времени. Гидом – переводчиком из Феодосийской туристической фирмы прислали очаровательную блондинку Хелен. Она встретила в аэропорту, помогла быстро и без проблем миновать пограничный и таможенный контроль. Во Франкфурте эта процедура заняла в три раза больше времени.

Младший из немцев, представившийся Куртом, долговязый парень лет тридцати, довольно внятно изъяснялся по-русски с назойливыми носильщиками, отказался от их услуг, сам перетащил два огромных чемодана с колесиками в микроавтобус «Форд» туристской фирмы. Елене это не понравилось. Не любила работать с иностранцами, владеющими русским, обязательно случались какие-нибудь неприятности. Вслух спросила:

– Говорите по-русски?

– Немного. В школе русский был обязательным предметом. Я вырос в восточной Германии, а дядя Эрвин всю жизнь прожил в Штутгарте, в американской зоне. Говорит по-английски, – объяснил Курт.

Симпатичная блондинка, бойко объяснявшаяся по-немецки, легко переходившая на английский с дядей, Курту понравилась. Мысленно уже представлял, как приятно про-

ведет с ней сегодняшнюю ночь. Опыт отдыха за границей подсказывал, секс – услуги входят в программу обслуживания. Первый раз в Россию он приезжал по туристической путевке еще при коммунистах и побывал тогда в Москве и Ленинграде. В Москве переводчица сама залезла в постель, а в Ленинграде, когда попытался оставить гида в номере, прислала замену – не менее симпатичную девчонку, хорошо говорившую по-немецки. В Италии и Испании, где довелось отдыхать, уже после падения Берлинской стены и переезда к дяде в Штутгарт, сексуальные проблемы тоже решались просто.

Старшему – дяде, представившемуся Эрвином, на вид за семьдесят, если не больше. Елена не понимала, что объединило двух разновозрастных туристов отправиться в Феодосию. В Крым немцы не ездят, а уж если приедут, то на Южный берег.

Старик прочитал на лице переводчицы не высказанный вопрос.

– В войну я был в России, и теперь хочу посетить эти места, поискать сохранившиеся могилы однополчан. Ностальгия по молодости, по первой любви. – Произнес по-английски, не хотел, чтобы племянник понял его чувства.

Микроавтобус быстро миновал городские окраины, мимо которых шла дорога из аэропорта, и выехал на шоссе Симферополь – Керчь. Остались позади грязные улицы, неухоженные дома, напомнившие немецким туристам стандарт-

ные берлинские кварталы. Дальше дорога вырвалась в широкую долину, окаймленную с одной стороны высокими лесистыми отрогами череды гор, за которыми, как догадался Эрвин, море, слева серые однообразные холмы, кое-где выпирающие белыми боками известняка. Курт дремал. А Эрвин с любопытством смотрел по сторонам и ничего не узнавал, а ведь когда-то по этой дороге десятки раз ездил с лейтенантом.

Шоссе петляло среди живописного лесного массива, поползло в гору. Эрвин узнал знакомые силуэты гор и разбудил племянника. Распирало желание поделиться воспоминаниями.

– Вон в тех лесах на горах скрывались партизаны, – показал он в сторону далекого моря. Эти горы тянутся на десятки километров от Коктебеля до Ялты.

– Хорошо помните эти места? – удивилась Елена.

– Что-то вспоминается, больше узнал из туристских проспектов, которых выдали целую кипу.

– В нашу программу входит посещение старого российского курорта Коктебель. Оттуда, если пожелаете, на машине поднимемся в заповедник на самую вершину горной гряды, протянувшейся до Ялты. Вот там настоящие леса и действовали партизаны, а здесь, вдоль шоссе лесная полоса не широкая, не спрячешься, – пояснила Елена уже по-немецки, чтобы понял Курт.

Дорога вскоре утомила путешественников, рано вставших

сегодня, и они задремали. Елена разбудила их, когда въехали в Феодосию. Агентство сняло для них люкс в «Астории». Немцы занялись разборкой чемоданов, принимали с дороги душ, а Елена пошла домой, тоже принять душ после утомительной дороги. До ужина еще было время и, встретившись с туристами, Елена повела их знакомиться с центром города. Показала Галерейную улицу, галерею Айвазовского, довела до фонтана с цветомузыкой. Быстро темнело, приближалось время заказанного ужина, и они вернулась в отель, прошли в ресторан.

Вместе поужинали, выпили крымского вина за знакомство и удачный отдых. Эрвину очень понравилось вино, и он дотошно расспрашивал Елену, что за вино, сомневался, не из Франции ли или Италии. Курт грубо отобрал у дяди четвертый бокал.

– Тетя Амалия поручила следить за тобой! – сказал, продолжая наливать себе и Хелен, которая за весь вечер так и не допила первого бокала.

Елена рассказала о планах на завтра и стала прощаться.

– Вы можете еще погулять по центру, посмотреть нашу набережную и море. Курт понимает по-русски, не заблудитесь.

– Не останетесь с нами в отеле? – удивился Курт.

– У меня есть свой дом. Мама ждет.

– Возникнут проблемы, как без вас? Обычно гид снимает номер рядом. Вы должны постоянно находиться около нас, –

не оставлял Курт надежды затащить симпатичную переводчицу в постель.

– Извините, не внимательно прочитали контракт.

Читал ли Эрвин условия тура более внимательно или пожалел Елену, но решительно заявил, что она свободна и после ужина не вправе задерживать её.

Договорившись о завтрашней встрече, она оставила их.

Курт с Эрвином вышли на улицу. Кругом было светло как днем, со всех сторон неслась музыка, прогуливались влюбленные парочки. Ничто не напоминало о темном полуразрушенном городе военного времени. Вокруг был другой, не знакомый Эрвину город. Они влились в поток гуляющих курортников, вместе с толпой остановились перед переездом, пропуская маневровый тепловоз.

– Улицу вдоль железной дороги, я помню. Вот здание музея, – заметил Эрвин. – Я еще тогда, недоумевал, почему железная дорога так близко у моря.

– Бог с ней, с дорогой, город вспоминаешь? Где был ваш дом? – нетерпеливо перебил племянник.

– Совсем в другой стороне. Надо пройти мимо двух церквей и могилы их знаменитого художника. Она есть в программе.

– Это он? – спросил Курт, показывая на памятник Айва-

зовскому.

– Не знаю. Это музей, Хелен же сказала. Художник не здесь похоронен. В музее мы с лейтенантом все перерыли. Картины русские увезли к себе в тыл. В главном зале было казино для офицеров. Солдатам близко подходить запрещалось. Музей работал со стороны моря. В нем оставались чучела разных зверей, рыб и птиц. Лейтенанта интересовали вазы, обломки мраморных плит от древних сооружений, разные старинные артефакты, которым тысячи лет. Наши штатские специалисты копались в оставленных русских книгах и документах. Отобранные вещи мы отправляли в Берлин. Ничего ценного русские не оставили, а что осталось, жители до нас растащили. Богатый улов был у нас в другом городишке. Керчь. Тоже на море, но мы больше за городом в степи работали.

– Завтра скажем, чтобы поехали на могилу художника.

– Прежде попрошу отвезти нас на гору, оттуда посмотрим на город.

Тепловоз прошел, и толпа ринулась на набережную. Немцы тоже перешли через рельсы и оказались у симпатичного круглого здания, как потом узнали, всего-навсего насосной станции. Рядом театральная касса, уголок фотографов с допотопным красным автомобилем, в котором любители экзотики фотографировались на память. Тут же торговали аудио и видеокассетами. Курт с удивлением увидел на коробках знакомые кадры из новейших фильмов, что недавно

появились в прокате Штутгарта, видео самое новое.

По набережной фланировали модно одетые люди в дорогих одеждах, курили дорогие сигареты, на лицах улыбки, громкие разговоры, смех. Ничто не напоминало Эрвину о военных годах и городе, который помнил. Отправляясь с Куртом в Россию, общее мнение о стране Эрвин имел самое превратное, сложившееся в годы холодной войны под влиянием газет. Медведи по улицам не ходят, знал, но люди в его представлении оставались бедными, постоянно озабоченными о куске хлеба. Вечерняя набережная Феодосии не уступала средиземноморским курортам, вынужден был он признать. Не хватало лишь причалов и яхт. Первое впечатление о сегодняшнем городе, который помнил пыльным, сплошь одноэтажным, в развалинах; море, где из-за мин не разрешали купаться, – подсказывало, что ничего из их затеи не получится. Все давно отстроено и перепаханно.

– «Не найду я ни дома, ни улицы, где жили, – подумал про себя Эрвин. – Слишком все изменилось. И Ольгу не найти. Как мальчишка дал себя уговорить Курту».

Они прошлись еще немного, и Эрвин предложил посидеть. Нашли свободную скамейку, сели. Эрвин долго молчал и смотрел на море, на огни, стоящих на рейде кораблей. Расчувствовался и неожиданно признался.

– Знаешь, Курт, в этом городке у меня любимая была. Ольгой звали. Никому не рассказывал. Встретиться бы.

– Ну, дед, удивляешь! Тетя Амалия знает?

– Сказал же, никому не говорил. Алина и так не хотела отпускать, а скажи про Ольгу, так глаза бы выцарапала. Не знаю, с чего расчувствовался. Морской воздух, горы.

– Воспоминание о юности. Красивая?

– Очень, – кивнул Эрвин. – Я первый у нее был. Не знаю, сказать Хелен, вдруг поможет найти?

– Зачем тебе! Помнишь девчонку молодую, сегодня ей, как и тебе, семьдесят. Делом прежде займемся. Приехали не любовь старую искать, а золото.

– Эх, – вздохнул Эрвин, – черствые все вы, не эмоциональные, современная молодежь! Не знаете настоящей любви. Вам бы только трахаться. Чувства никакие неведомы.

Запиликал мобильник у Курта. Звонила Амалия.

– В России уже? Почему не сообщили, как добрались? Я волнуюсь, жду вашего звонка.

Курт передал трубку дяде. Он едва успел поздороваться, как Амалия перебила. Остановить её, вставить слово, невозможно, Эрвин привык. Жена беспокоилась, как перенес полет, что ел, как давление. Наказала, чтобы завтра сами звонили.

Утром Елена повела немцев по обычному туристскому маршруту знакомиться с городом. Немцы постоянно тихо переговаривались. Елена не прислушивалась. В сквере у фонтана Айвазовского, рассказывая о роли художника в развитии города, поняла, что туристов история мало интересует. Равнодушно выслушали рассказ о башне Константина – части сохранившейся крепостной стены. Даже возраст башни – более шести веков не произвел впечатления. Неожиданно старик разговорился.

– С волнением ждал встречи с городом юности. Он оказался совсем другим. Мне было двадцать один в сорок втором, когда нашу часть перебросили в Крым. Забрали из университета. Мечтал стать учителем, как отец.

– Теперь понятно ваше желание приехать в Феодосию, – поддержала разговор Елена.

– Хочу вернуться в юность. – Тут же, оправдываясь, прибавил. – Чтобы вы знали, Хелен, я никого не убивал. Я не фашист, не «СС». Служил в комендантском взводе. – О своей особой миссии с лейтенантом, понимал, говорить не следует.

– Дядя пишет мемуары, хочет проверить свою память, – поддержал дядю Курт.

– Мама и я родились после войны. А бабушка девчонкой была, вспоминала войну. Все изменилось с тех пор, боюсь,

ничего не узнаете.

– Не всё. Здание гостиницы, где мы остановились, узнал. В мое время здесь находилось офицерское общежитие и офицерский клуб. Здание, правда, частично разрушено было. Казино. Железная дорога в порт.

– Казино? – переспросила Елена. – Где оно находилось? Наши историки и краеведы никак не сойдутся во мнении.

– В музее.

После недолгого пешего похода по старой части города и набережной, Елена привела немцев обратно в «Асторию» на обед.

– Хотим побывать в верхней части города, где свернули с шоссе, когда ехали сюда, там еще телебашня. – Эрвин надеялся сверху рассмотреть город и быстрее сориентироваться, где жил. Глаза еще видели хорошо.

– В Москве и в Берлине телебашни, а у нас небольшая вышка. Пешком господину Эрвину туда не подняться. Я закажу машину.

После обеда Эрвин предложил отдохнуть часик – другой и Елена пошла домой, благо жила рядом.

Машина долго петляла по серпантину узкой дороги между сосен и, наконец, остановилась на ровной площадке недалеко от телевизионной вышки. Отсюда открывалась широ-

кая панорама всего города и залива. Из дома Елена прихватила отцовский морской бинокль и передала немцам, вызвав их бурный восторг. Про себя отметила, если проложить сюда приличную дорогу, можно открыть смотровую площадку для туристов и включить в экскурсионный маршрут. Надо подсказать Даше.

Старик долго рассматривал старую часть города, склоны горы, порт.

– Похоже, район сохранился. Виноградники с горы спускались к самым домам, сейчас голая земля. От виноградников нас отделяли еще три или четыре дома и узкий переулок. Кто-то там держал осла, первые дни он дико орал, пока не догадались пристрелить, – вспомнил Эрвин, передавая бинокль Курту.

– Как вам вид? – спросила Елена. Мы находимся на Лысой горе, как прозвали ее горожане. Она и была такой, пока лесоводы не засадили склоны лесом. По-татарски – Паша – Тепе – «князь-гора». Как видите, город амфитеатром раскинулся по берегу залива и склонам горного хребта Тепе – Оба, – она провела рукой от мыса вдоль всей возвышенности. Тете – Оба по-татарски – конец гор, дальше начинаются степи. В отличной бухте в непогоду могут укрыться корабли. Древние греки еще в VI в. до нашей эры основали здесь свою торговую факторию и называли её «Дар богов». По-гречески это звучит как Феодосия. Городу более 2500 лет, он старше Берлина, Лондона, Парижа, и многих других городов

Европы. Один из торговых центров на Великом Шелковом пути. Через Феодосию проходила первая в мире трансконтинентальная телеграфная линия из Англии в Индию.

– Впечатляет, – согласился Эрвин, оторвавшись от бинокля. – Жалею, когда служил здесь, ничего этого не знал. Другими глазами смотрел бы на миссию моего лейтенанта.

– Читать надо было проспект к туристической путевке, – остановил восторги дяди Курт. Там все написано, как по-гречески, как по-татарски.

Курт не простил Елене ее строптивость и при возможности старался уколоть.

Эрвин показал сторону, где жил, и где теперь им предстояли поиски.

– Видишь кварталы одноэтажных домиков? В каком-то из них, если еще сохранился, мы с лейтенантом, и двумя рядовыми квартировали.

– Нашли дом, где жили в войну? – удивилась Елена.

– Район, думаю, нашел, а дом... Узнаю ли?

Елена планировала походить сегодня еще по городу, но экскурсия на гору съела все время. Эрвин никак не мог расстаться с биноклем, рассматривая городские кварталы, улицы, которых в его время не было и в помине.

Курту наскучило разглядывать незнакомый город, и он तो-ропил дядю.

– Все понятно. Поехали, хватит глазеть, все равно отсюда ничего не разберешь. Примут еще за шпионов, – он рассме-

ялся.

– Сколько лет живешь в свободной Германии, а гэдээровское воспитание все дает о себе знать! – заметил Эрвин.

Возвратившись в «Асторию», Елена извинилась перед своими подопечными, что оставит их на час раньше. Призналась, ждет гостей, дома собирается девичник. Посоветовала вечером погулять по набережной, посидеть в «Африке», а если располагают средствами, посетить казино «Гринвич» или «Фламинго», они недалеко от гостиницы. На завтра договорились встретиться в половине десятого.

Несмотря на пик курортного сезона, проблем с гостиницей в Ялте не возникло. Игорю предложили комфортабельный номер в небольшом частном пансионе «Якорь», недалеко от моря. В последний приезд с женой останавливались в «Ялте», и тогда Игорь дал себе слово больше туда не соваться. Самая фешенебельная гостиница представляла заезжий двор. Иностранцы, киношники, лысые братки. И все кричат, гремит музыка, гиды на разных языках круглые сутки в мегафон собирают экскурсии, звонят проститутки. В «Якоре» спокойно, постояльцев не много, телефон сразу отключил. Если кому понадобится, позвонят по сотовому.

В пансионе отлично накормили, избавили от посещения переполненного ресторана. Отдохнув с дороги и приняв душ, он переоделся во все белое и отправился на набережную. Здесь все было, как в прежние времена. Толпы полураздетых женщин в дорогих платьях, мужчины в костюмах от европейских домов моды, аромат парфюма, перебивавший запахи моря, и не смолкающая музыка, льющаяся из ресторанов, киосков. Публика, конечно, не та, что в Феодосии. С распадом единой страны, отдых в Ялте могли позволить себе люди вышесреднего достатка. Со средним выгоднее отправиться в Анталию.

В строгих белых брюках и тенниске, плотно облегающей

спортивное тело, Игорь походил на заправского Дон Жуана на охоте. Однако искать женщину он не собирался. Знакомств на улице давно не завязывал – не тот возраст. Реальное место для знакомства, ресторан, сегодня тоже не привлекал. Со школьных лет предпочитал знакомиться в читальном зале, в парке на скамейке. Сегодняшний вечер собирался провести один, подышать морским воздухом, ощутить все прелести южной ночи. После смерти Татьяны прошло почти два года, а он так и не был еще ни разу с женщиной. Не ощущал потребности, скорее всего, не встретил достойной.

Прошелся от Луна – парка до памятника Горькому и вернулся к концертному залу. Билетные спекулянты кинулись с предложениями билета. Слушать неизвестную восходящую звезду поп – музыки Игорь не собирался.

Он прошел в глубь парка и примостился на скамейке, где уже сидели две пары, закурил. Вспомнил, когда-то Ялта объявила себя первым некурящим городом в стране. Как давно это было! Теперь дымили вокруг и стар, и млад. Музыка с набережной доносилась сюда не так громко, можно было отдаться воспоминаниям.

В Ялте с Татьяной они были счастливы. Каждый вечер купались, до полуночи сидели и танцевали в каком-нибудь ресторане, переплачивали за билеты на концерты Эдиты Пьехи и Софии Ротару. Пьеха по-прежнему каждое лето приезжает сюда, Ротару и живет в Ялте. Игорь видел обрывки афиш состоявшихся концертов. А вот Татьяны нет больше. Ни в Ял-

те, ни в Питере. Никогда больше не потащит в Дом кино на просмотр какого-то, понятного только ей, фильма французского режиссера. Не поведет на вернисаж в Доме художника. С Татьяной он не пропускал ни одной мало-мальски популярной выставки. А музеи! Каждое свободное воскресенье ходили куда-нибудь. Теперь от тех воскресных мероприятий остался фитнес – клуб, телевизор и редкие мальчишники. О музеях и Доме кино Игорь забыл. Воспоминания о же не неожиданно перешли к феодосийской Елене. «Как схожи! Неужели такое случается в природе? Лицо, фигура полная копия, те же любимые цвета одежды. Что имела в виду, приглашая погулять на набережной? На вертихвостку, любительницу приключений не похожа. От кого сбежала той ночью? Бой – френда, сказала, нет».

Мысли о Елене преследовали и всю не длинную дорогу до пансиона. Ночью снились сразу две женщины – Татьяна и феодосийская знакомая Елена. Татьяна снилась часто, а Елена впервые, и во сне они постоянно менялись. Татьяна превращалась в Елену, Елена вдруг оказывалась Татьяной. Проснувшись, Игорь пожалел, что не принял её приглашения и не остался еще на день в Феодосии.

Следующие три дня пролетели однообразно и скучно. Завтрак, пляж, обед, снова пляж, пустые, ни к чему не обязывающие разговоры с соседями по пляжу, вечерняя прогулка по набережной, случайное знакомство с парой из Москвы, несколько танцев с развязной девицей, имя её сразу же

забыл. На пляже его окучивали две подружки из Нижнего Новгорода, нашли общих знакомых. Развить знакомство желания не появилось. Так бездарно, неинтересно Игорь давно не проводил дни. Ничего не хотелось.

Он лежал на платном пляже какого-то санатория и размышлял, почему отпуск не доставляет радости. Все, казалось, располагало к шикарному отдыху. Погода, теплое море, отличный гостиничный номер, куда при желании мог привести женщину. Все условия чтобы расслабиться на всю катушку. На пляже, на теплоходе в прогулке по морю, его, помимо воли, включали в общие разговоры, знакомился с интересными женщинами. Любую из них стоило пригласить провести вечер. С одной – Валечкой из Костромы, они посидели в ресторане, потанцевали, она ждала, что поведет к себе. Когда поняла, почему-то не приглашает, предложила пойти к ней. Игорь отказался, и они холодно расстались. Женщина приехала расслабиться, вкусить курортной жизни, окунуться в сексуальный разгул, а первый понравившийся мужчина не клюнул. «Что обо мне подумала»? – размышлял Игорь, жалея случайную знакомую. Неожиданно пришло решение, надо вернуться в Феодосию и найти Елену.

Пообедав в пансионе, Игорь собрался в Феодосию. Желание увидеть Елену жгло. Это было какое-то наваждение.

Не может не увидеть эту девушку. «Необходимо разобраться, – размышлял он. – Понять себя, понять её. Татьяну не заменит, понятно. Но еще раз увидеть, пообщаться, должен».

– Я еду в Феодосию и там переночую. На всякий случай рассчитаюсь. Через два дня не вернусь, сдавайте комнату, – сказал Игорь. Хозяйка с сожалением рассталась с Игорем. Понравился богатый и тихий постоялец из Питера. Пригласила обязательно приезжать еще.

– Спасибо. Отлично у вас отдохнул. Кормили великолепно. Порекомендую ваш пансион знакомым, кто надумает отдохнуть в Ялте.

Уже в дороге задумался, а как её найти. «Знаю лишь имя – Елена. Педагог. А в какой школе? Подрабатывает в туристическом бюро».

В Феодосию Игорь приехал уже в сумерки. Оставил машину и пошел на Галерейную, в надежде встретить коллег Елены. Перед музеем допоздна стоят столы турагентов, предлагающих курортникам всевозможные экскурсии, они должны знать Елену. Игорь расспросил нескольких девушек. По описанию её узнавали, однако помочь не могли. Одна вспомнила, Елена живет в красном доме, где магазин «Таврия» и с другой стороны «Книги». Ни квартиры, ни этажа не помнила. Случайно, рядом оказался любопытный школьник, он услышал разговор и вызвался помочь.

– Нашу училку Елену Николаевну ищите, немку?

– Знаешь, где живет? – Обрадовался Игорь. – Отведи, по-

жалуйста, я тебе мороженого куплю.

Они купили мороженое и пошли. Искомый дом оказался рядом, довольный мальчуган поднялся с ним на четвертый этаж, показал дверь и убежал. Игорь спустился во двор, вышел на улицу к книжному магазину, вспомнил, здесь недалеко цветочный базар и булочная, где можно выбрать торт. Купил пять красных роз, торт и вернулся к уже известной квартире. Из-за двери раздавались громкие голоса, Игорь остановился, задумался. «Не проверил, ту ли квартиру показал мальчишка, – побежал за цветами. А если мальчишка ошибся, обманул? За дверью, похоже, многолюдное веселье, я буду совсем не кстати». Он поколебался недолго и решил позвонить.

В квартире было шумно. Хозяйка с подругами собрали внеочередной девичник. Встреча получилась спонтанно по инициативе Ларисы. Одноклассница Елены, киевская актриса Лариса Самойленко приехала в родной город на три дня и предложила организовать девичник. Традиционно девичник устраивали в первое воскресенье сентября, но нынче Лариса приехать не сможет. Она сама обзвонила подружек, все пришли, хотя одна обременена детьми, вторая в положении, у третьей семья. Традицию девичников положила встреча одноклассниц через год после выпускного бала.

Собрались у Елены во дворе, под старым абрикосом, тогда она жила еще на Калинина, в своем доме. Пришли студенты, на каникулах оказавшиеся в родном городе, кто продолжил учёбу в Феодосии, или устроились работать. Вспоминали школу, рассказывали, как дается учеба, говорили о мальчишках, кто-то делился любовными увлечениями. Пришли чуть ли не все девчонки из класса. С годами число встречавшихся сокращалось, третий год на новую квартиру к Елене приходили одни и те же пять человек.

Мама Елены помогла накрыть стол и ушла к приятельнице, оставив девчонок одних посекретничать и поболтать, не стесняясь её.

Лариса играла в модном Киевском молодежном театре. Красавица еще в школе блистала актерскими способностями, играла в драмкружке городского Дома культуры, поклонники увивались за ней толпами. В театральное поступила с первой попытки. Несмотря на успех у мужчин, замуж не торопилась. Заводила в классе, её и после школы постоянно переполняли всевозможные идеи. Марина Хворостова оставила дома двухлетних близнецов, чтобы повидать Ларису и Женю Куксенко, специально приехавшую из Симферополя. Марина отучилась в Феодосийском педагогическом три года, вышла замуж, родила двойню, и теперь никак не соберется продолжить учебу на заочном отделении в Симферополе. Женя в школе отличалась математическими способностями и поступила в политех. Вышла замуж за техноло-

га объединения «Фотон» и после института устроилась тоже на завод, в цех, где раньше собирали телевизоры, а теперь перебивались редкими заказами для обороны. Сейчас собиралась стать мамой. До родов еще четыре месяца и муж отпустил одну в Феодосию. Приехала на своих «Жигулях». Даша Воробьева с Еленой окончили Симферопольский Университет, их взяли преподавателями в школу, которую окончили. Елена и сейчас работает, а Дашу отец, плавно перешедший из Феодосийского горкома партии в городскую администрацию, через год устроил на теплое местечко в туристическом агентстве. Даша сделала карьеру и процветает. Помогла Елене устроиться гидом – переводчиком в курортный сезон в агентство. Подруги встречались ежедневно. Меньше всех успехами во взрослой жизни, по идее, могла похвастать Рита Травина. После школы никуда не поступала, а нашла свое место в торговом бизнесе и устроилась лучше всех. Начала с продавщицы в киоске, моталась за товарами в Симферополь и Одессу, позже в Турцию и Польшу. И уже не стояла за прилавком. Теперь имеет свой магазин, держит пятерых реализаторов на обоих городских рынках, которые торгуют её товарами. Купила трехкомнатную квартиру на Крымской и подыскивает вариант, чтобы перебраться ближе к морю.

Семь лет минули после окончания школы, а шесть подруг продолжали дружить, поддерживать друг дружку, семьями отмечать праздники, выезжать на пикники. Несколько в стороне от других в последние годы оказались Лариса

и Елена, так и не вышедшие замуж. На традиционный девичник раз в год собирались без мужей, и здесь Лариса с Леной не чувствовали себя обделенными.

Женщины успели поделиться новостями из личной жизни, промыть косточки общим знакомым, похвастать детишками, дать рекомендации будущим мамам, когда в дверь позвонили.

– Наши все дома, – сказала Лариса.

– Мама, что-нибудь забыла. Уйдет сейчас, – успокоила подруг Елена и пошла открывать.

Увидев Игоря с букетом и тортом в руках, очень удивилась. Несколько секунд не в силах была открыть рот.

– Вы? Кто вас звал?

– Я не вовремя? Слышу у вас гости, – произнес Игорь. – Мне уйти?

В коридор выглянула Даша и вернулась в гостиную.

– Не знаю, – произнесла смущенно. – Заходите, раз пришли. Вас уже увидели. – Приняла букет и направилась на кухню, но вернулась в прихожую к Игорю и прошептала: – Убедительно прошу, ни слова о ночном происшествии в «Астории». – Взяла Игоря за руку и привела в гостиную.

– Девчонки, знакомьтесь, Игорь. Бизнесмен из Петербурга. – Достала из серванта вазу для цветов и вернулась на кухню, оставив Игоря одного со своими подругами.

– Садитесь, и не бойтесь, что нас много, – взялась за гостя Лариса. – Небольшой девичник бывших одноклассниц. Вас

зовут Игорь, Лена представила. Я Лариса, – и она представила остальных.

– Извините, сударыни, не знал, что у вас мероприятие. Понимаю, полагалось бы позвонить предварительно, предупредить, но так получилось.

– Извиняем, – сказала Даша и пошла на кухню в поисках еще одного стула.

– Игорь, на минутку, пожалуйста, – позвала она из кухни. Игорь вышел на кухню, Елена ставила в вазу розы, а Даша попросила переставить на пол кадущку с фикусом, освободить табурет. Она забрала у Лены вазу с цветами и вернулась в гостиную.

Оставшись с Еленой, Игорь тихо проговорил:

– Извините. Очень хотел вас увидеть!

– Зачем? – перебила Елена. – Не приглашала.

– Понимаю, незваный гость хуже... сами знаете кого, но не мог не увидеть вас, не извиниться. – Лена молчала. – Мне уйти?

– Чтобы поставить меня в более неловкое положение? Пойдемте в гостиную. Не знаю, как вас представить.

Она вытерла табурет и вместе с Игорем вернулась в гостиную. Ему передвинула свой стул, сама села на принесенный табурет, так и не придумав, как объяснить его появление. Игорь нашелся сам.

– В ваш город я приехал по делам. Неожиданно потребовалось перевести небольшой документ с немецкого. В гости-

нице мне представили Елену. Она и выручила.

– Я привела немецких туристов и собиралась отчалить, а тут дежурная: помоги гостю.

– Собирался заплатить – отказалась, а я не привык быть не благодарным, узнал адрес и пришел, – складно соврал он. – Вижу, помешал.

У Елены отлегло от сердца. Гость нашел великолепный выход из положения. Поверят ли девчонки?

– Посидите с нами, торт попробуете феодосийский, раз принесли. Кто-то рекомендовал вам наш самый лучший. Не пробовали? – заговорила Рита. – Расскажите, что нового в Питере?

– Нового? – переспросил Игорь. – Не знаю. Все на своих местах, готовимся отметить очередной трехсот какой-то юбилей города, хотя до него еще далеко. Старого в городе больше.

– Рита имела в виду, что носят, смотрят, читают? – поддержала подругу Лариса.

– Носят то же, что в Киеве или вечером на вашей прекрасной набережной. Читают Донцову и Пауло Коэльо. В кино не был несколько лет, в театрах в основном мюзиклы, классические пьесы перелицованы наизнанку так, что автор не узнал бы свое творение. Режиссеры изгаляются, чем бы еще удивить зрителя. Даже такие серьезные театры как БДТ и Александринка пытаются веселить и развлекать зрителя. Я поклонник психологического театра, так что ничего расска-

зять вам не могу.

– Тенденция времени, веселить зрителя, не нагружать проблемами. И в Киеве, и в Москве та же картина, – согласилась Лариса.

– Ленка, ты что молчишь, к тебе гость пришел, не предложишь нечего, – заметила Даша.

– Не рада великолепному букету?

– Все так внезапно, – промямлила, все еще не пришедшая в себя от неожиданности, Елена.

– Раз в год собрались...

Игорь встал.

– Извините, пожалуйста, еще раз. Я пойду. Не буду разрушать вашу компанию.

– Нет, нет! Оставайтесь! – закричала Лариса. – Разбавите нашу компанию мужским началом, внесете новую струю. Мы успели обо всем переговорить. Лена, фужер достань. Что как сонная!

– Я за рулем. Мне нельзя.

– Какие на ночь поездки? Попробуете нашего домашнего феодосийского вина.

Елена принесла еще фужер, Лариса, опередив Игоря, разлила всем.

– За знакомство!

– Немного о себе, расскажите, что привело в наш город, как понравилась Феодосия? – спросила Рита.

– Тебе бы, Ритка, корреспондентом, интервью брать, во-

просы задавать, а подалась в торговлю, – вступила в разговор, молчавшая Марина.

– Выпьем вначале!

– Приехал в командировку по служебным делам, уже сказал. В торговый порт. Живу в Питере, знаете. 32 года. Не женат. Вдов. Город ваш понравился. Что еще сказать, право, не знаю.

– Жаль, что в командировку только. Мы бы вас женили. У нас в городе катастрофически не хватает женихов, – не отставала Лариса, положившая глаз на Игоря.

– Все приезжие клянутся, что не женаты и носят кольцо на левой руке, – сказала Даша.

– Вы просили, представится, я рассказал, а верить мне или нет, ваше дело.

– Лариса у нас не замужем. Между прочим, ведущая актриса Киевского молодежного театра. Здесь у нее квартира, и в Киеве, – подколола подругу Марина.

– Вы меня сватаете? Елена тоже одна, – заметила Лариса. – Она привела Игоря.

– Никто меня не приводил. Сам пришел.

– Игорь, удивите тостом, – предложила Рита.

– Я похож на фокусника, чтобы удивлять?

– Правда, Игорь, мы уже исчерпали все свои тосты. Объявите, – предложила Лариса.

– Вообще, я не мастак на тосты. Южане больше в них искусны. Но, как пел Высоцкий, без тоста не праздник, а пьян-

ка. Тогда, слушайте, – он поднял бокал, посмотрел, у всех ли налито.

– Тост. Чтобы нас судьба всегда благословила, и чаще радости дарила! Как мне сегодня подфартило.

– Выпьем! – объявила Рита.

– Вы не поэт? Стихами говорите, – удивилась Даша.

Лариса взяла гитару и запела, девочки подтянули ей.

Послушали Ларису, затем гитару попросил Игорь и запел «Сегодня все мы собрались». Приятный голос гостя понравился, подружки подтянули.

Лена заметила, он постоянно искал её глазами, словно пел для неё одной. «А он ничего! – подумала. – Девчонки уже растаяли... Неужели произвела впечатление, ради меня вернулся? Нашел!»

– А романсы какие-нибудь поете? – спросила Лариса.

– Утро туманное, – объявил Игорь и запел. Лариса подтянула. Затем присоединились и другие гости.

Девчонки балдели, Игорь все больше нравился им. Лариса и Рита наперебой просили Игоря спеть одно, второе. Хором спели «Погоду в доме». Новые песни, что крутят по ТВ, не предназначены для домашнего музицирования, а потому пели старые, что знали еще их родители.

Первой к своим близнецам ушла Марина, затем Даша, пошептавшись с Леной. Последними ушли Рита с Ларисой, взяв обещание, что в следующий приезд в Феодосию, Игорь найдет Елену, и они все соберутся, послушают его. Лариса

пригласила к себе в театр, когда будет в Киеве. Женя позволила в Симферополь мужу, и ушла в спальню, осталась ночевать у Елены.

Подруги разошлись, до прихода мамы осталось время, и Елена могла поговорить с Игорем.

- Мы одни. Зачем пришли? Не нашли подружку в Ялте?
- Не искал. После встречи с тобой никого не хочу видеть.
- Не сочиняйте. Я разрешила перейти на «ты»?
- Ты против?

Елена так сконфузилась его приходом, что и после ухода подруг, всё еще не пришла в себя. Лихорадочно соображала, что ответить.

– Не знаю. Все так неожиданно. Собрались с девчонками, в кое веки удастся поболтать по душам, поделиться сокровенным, и вваливаетесь. Да еще с букетом и тортом. Словно жених. Шампанского для полноты портрета не хватило. Девчонки так и поняли, завтра телефон оборвут, кто вы и что вы.

- Исправить? Сбегаю за шампанским.
- Спасибо. Мама сейчас придет.
- Может, все же сбегаю? Не знаю, поверишь ли. Все дни только о тебе думал. Вспоминал приглашение. «Если окажется свободное время и желание, может, вечером погуляем по набережной, продолжим разговор». В ту минуту я был не безразличен. Искренне желала познакомиться, а я схамил. Как потаскушку позвал с собой. Извини, нет мне прощения.

Елена улыбнулась.

– Потеряла контроль, растаяла. Встретила интересного мужчину, повела себя как последняя дура. Не извиняйся. Сама виновата, забыла о приличиях. Велико было искушение познакомиться, узнать, что вы за человек. Позже, размышляя над вашим приглашением, поняла, были правы, приняв за легкомысленную любительницу приключений.

– Лена! – он взял ее за руки. – Ты меня заинтриговала. Понял, что должен познакомиться, узнать ближе. Увидел сегодня – убедился, дальше не жить без тебя.

– В наши первые две встречи, знаешь, больше всего, что меня тронуло? Не приставал, не просил телефона, хотя, не задумываясь, обидел. Сегодняшние признания свидетельствуют, что не отдаешь отчета своим словам или принял за глупую провинциалку, которой можно пудрить мозги, вешать лапшу на уши.

– Какую лапшу! Ты не представляешь, кто ты сейчас для меня! Всё!

– Увидел во мне покойную жену, и привлекла внимание. Теперь даже Ялту бросил, примчался.

Не давая опомниться, Игорь притянул её и прильнул к губам. На мгновение она замерла, застигнутая врасплох. Волна его страсти передалась и ей. Поняла, ее влечет к этому незнакомому мужчине. Такое впервые с ней. Отпрянув, тихо проговорила: – Это лишнее. Я серьезно, а ты... «Вот и сама перешла на „ты“, словно давно знакомы». Игорь не сводил

с нее восхищенного взгляда.

Сине – серые глаза сводили с ума. «Живая Танюша! Та же улыбка, носик, губы. Не представляю, как без неё жить дальше».

– Выходи за меня!

Лена опешила. Так ей еще не объяснялись. Игорь понравился, больше того, уже успела по уши влюбиться, но к молниеносному развитию событий не была готова.

– Все бросить – маму, работу и выскочить замуж за первого встречного? К тому же вдовца. Сумасшедший! Да ты каждый мой шаг станешь сравнивать с первой женой. Постоянно думаешь о ней.

– Признаюсь, думаю. Не станешь моей женой, вторую потерю в этой жизни не перенесу! Как мальчишка влюбился! Как еще никогда в жизни!

– Пошутили и хватит! Взрослые люди, не надо обманывать друг друга. Несколько минут назад ты мудро сказал: давай продолжим знакомство и лучше узнаем друг друга.

Звонок в дверь прервал их.

– Мама пришла. Как объясню твое присутствие, не знаю.

– Как есть.

Лена впустила маму и представила Игоря.

– Это Игорь. Он из Ленинграда, случайно оказался у нас на девичнике.

– Мне понадобилось перевести кое – какой документ с немецкого. Так и познакомился с Еленой Николаевной,

а потом и её подругами, – повторился Игорь.

– Я спущусь во двор, провожу Игоря. Он в «Астории» остановился.

Игорь галантно попрощался с матерью Елены, поцеловал ручку.

– Рад познакомиться. У вас замечательная дочь и подруги у неё очень хорошие.

– Спасибо, – поблагодарила Евдокия Андреевна за комплимент и повернулась к дочери. – Не задерживайся, я не лягу, пока не вернешься.

Едва мама закрыла за ними дверь, Игорь обнял спутницу и поцеловал в губы. Она не ответила. Но и не отпрянула, не возмутилась.

– Почему такая холодная? – спросил он.

– Не надо торопиться. Дай время, узнаю тебя.

Он еще раз нашел ее губы и поцеловал. Не сразу она ответила, и они слились в долгом поцелуе. Она взяла его за руку и повела вниз по лестнице.

– Мне надо скорее вернуться. Здесь простимся. Не уедешь сегодня?

– И завтра, и послезавтра.

– Я целыми днями занята. Сопровождаю двух немецких туристов. Завтра экскурсия по городу, в последующие дни поездка в Ялту, Севастополь с ночевками.

– Завтра встретимся?

– Обязательно, – искренне ответила и подумала. «Что го-

ворю? Если он останется до чего у нас дойдет? Не устою». И не устояла.

– Дай свой телефон, я позвоню, как освобожусь. Но вряд ли раньше семи – восьми. Чем будешь целый день заниматься – на пляже лежать?

Игорь достал свою визитную карточку, протянул ей.

– Здесь телефон. На пляж пойду, чем еще заняться? Но вначале посмотрю в Интернете, как идут дела, свяжусь со своими.

– Здесь недалеко, на Галерейной улице, есть Интернет – клуб. Можно абонировать линию на любое время.

– Спасибо, воспользуюсь. Пройдемся немного, домой успеешь.

Елена переборола себя, как ни хотелось еще пообщаться, стала прощаться.

– Все, Игорь, до свидания. Я пошла.

– До завтра. Жду звонка. Не позвонишь – приду домой. Скажу маме, ты обманщица.

– До завтра, – и бегом бросилась в парадное. Игорь постоял недолго и пошел в гостиницу, давно он не был так счастлив, как в эти минуты.

Утром Елена зашла за подопечными в гостиницу. Немцы были готовы к экскурсии.

– Очень хочу увидеть места юности, – заговорил Эрвин, едва Елена вошла в номер и поздоровалась. – Покажете могилу вашего художника? – Айвазовского, – подсказал Курт.

– Обязательно. С утра туда и отправимся.

Недалеко от могилы, если не путаю, стояли два храма. Не помню – мусульманские или христианские, сохранились они? – спросил Эрвин.

– Армянская церковь святого Саркиса и церковь апостолов Михаила и Гавриила, – пояснила Елена. – Стоят. Даже действуют.

– Пойдем к ним. От них должен вспомнить, как пройти к дому, в котором квартировал. Елена повела немцев опять мимо фонтана Айвазовского, по пути рассказывая, о его второй жене Анне Никитичне. Как и накануне, заметила, немцев совершенно не интересует ее рассказ. Мысли их витали далеко от Айвазовского. «Зачем приехали, напросились на экскурсию»?

У сквера с могилой художника, Елена пояснила, что после войны здесь провели огромную реконструкцию и Эрвину трудно будет узнать место, которое он помнит. У могилы немцы постояли несколько секунд, выполнив ритуал уваже-

ния, и опять он принялся вертеть головой по сторонам, перенесся в прошлое.

– Церковь Святого Сергия (Сурб-Саркис). Памятник армянской средневековой архитектуры. Построена в XIV веке. Некоторые ученые считают, еще раньше, до появления в Крыму генозцев, – объясняла Елена. Курт равнодушно взирал на стены и не слушал ее. Эрвин продолжал рассматривать окрестности.

– Храмы, вспомнил, не русские были, – неуверенно заметил Эрвин.

– Это армянская церковь, – повторила Елена, – Имеете в виду не христианские? Зайдемте внутрь, познакомитесь с убранством. Есть, что посмотреть.

– Как-нибудь в другой раз, во время службы, – ответил Эрвин, и, взглянув в последний раз на храм, предложил обогнуть мемориальный сквер, подняться по улице, что убегала вверх. Они прошли немного по нынешней Тимирязева и остановились перед другим храмом. Эрвин внимательно осмотрел снаружи и этот храм. Улицы вокруг и дома не изменились, но место иное. Главное, дорога, по которой в те годы они спускались в порт, была другой.

– Все не то, – после долго молчания произнес он. – Этот храм тоже похож на русский, а тот был восточный, с минаретом. Русские перестроили?

– Ты же говорил, от могилы художника следует немного отойти, тогда увидишь два храма, пройти мимо них и под-

няться в гору. Храмы нашли, идём теперь в гору. По дороге вспомнишь, потянул его племянник.

Елена, слышавшая разговор, пришла на помощь.

– Выше по этой улице была когда-то мечеть, теперь там магазин. Ее разрушили еще до войны. Вы не могли её видеть. Если вернуться к могиле Айвазовского, и пройти по Ленина, через квартал будет караимская мечеть. Там минарет сохранился.

– Пойдем туда! – Эрвин схватил племянника за локоть и повернул назад.

Елена повела их к мечети Муфти – Джами.

– Хотели увидеть восточный храм, он перед вами. Средневековое мусульманское культовое сооружение в традициях османской архитектуры, построено в 1623 году, – пояснила Елена.

Старик, оставив гида и Курта, обошел мечеть и потянул Елену в гору.

– Эта улица больше ста лет зовется Караимской. Наверняка и в войну не переименовывали.

– Как ты назвала? Повтори, пожалуйста, – попросил Эрвин.

– Караимская, – потом прибавила. – Есть еще Карантинная, звучит похоже.

– Да-да! Караимская! Нет, Карантинная.

– Так, Караимская или Карантинная? Карантинная не близко к мечети, вы опять путаете.

– Я вспомнил, улица называлась Карантинной и к ней дорога шла от мечети в гору.

Елена достала мобильник и набрала такси, сказала, где находятся. В ожидании машины продолжили разговор.

– Если на Карантинной искать ваш дом, потребуется много времени. Карантинных целых три – Старая, Новая, просто Карантинная... Начнем с неё?

Вскоре подъехал белый «Фольксваген» с шашечками на двери.

– Смотри, «Фольксваген»! «Polo Trendline» у них за такси! – удивился Курт, встретив знакомый автомобиль. – У меня такая машина.

– В городе несколько компаний держат такси. Эти машины принадлежат муниципалитету и обслуживают наше туристское агентство. Так что, если захотите куда поехать, заказывайте по телефону, что я вам записала. Приедет «Фольксваген».

Водитель, посадив пассажиров, недовольно пробурчал.

– Приспичило твоим туристам ехать в такую глухомань! Там и дороги-то нет.

Контракт с муниципальной фирмой такси устраивал обе стороны. Работники агентства в любую минуту могли воспользоваться машиной, не оплачивая проезд наличными, а таксисты имели постоянных и потенциальных клиентов – туристов агентства. Поэтому, если водитель бывал и не очень доволен заказом, выполнял его беспрекословно.

Такси долго петляло по узким переулкам, о существовании которых Елена не подозревала.

Эрвин во все глаза смотрел по сторонам, ему казалось, узнает улицы, по которым ходил. Наконец выбрались на Карантинную – узкую кривую улицу, когда-то вымощенную щебенкой, позже покрытую бетоном; все давно разрушилось, и остались одни ямы и колдобины.

– Ездить по таким улицам могут одни русские, – заметил водитель.

Елена и немцы вышли из машины, Эрвин оглядывался по сторонам. Ничто не напоминало время службы. Неужели все так изменилось? Эрвин виновато смотрел на Курта.

– Не переживайте! – успокоила Хелен. – Вы увидели старую Феодосию. Этот район с незапамятных времен сохранился не тронутым. Девятнадцатый, восемнадцатый век. Сфотографируйтесь на память. Будет что вспомнить и рассказать. На этой ли, или на соседней улице квартировали, какое имеет значение? Важно, увидели места, связанные с юностью.

– В войну заборы были невысокие или разрушенные, чтобы с улицы видеть, кто во дворе, – вспомнил Эрвин. – В некоторых дворах торчали одни печные трубы от сгоревших домов. В них укрывали партизан. Вокруг нас дома оставались целы.

– Куда дальше? – спросила Елена. Энергия и способность старика не уставать удивляли. Ей надоели бессмысленные

поиски неизвестно чего.

– В конце нашей улицы была старинная крепость, – неожиданно вспомнил Эрвин.

– Что ж вы сразу не сказали! Крепость можно увидеть в самом начале Старо-Карантинной. Там проходит отличное шоссе, соединяет центр и старинную часть города, а мы трясем по ухабам, делаем крюк, – не сдержавшись, возмутилась Елена, и сразу же улыбнулась, сгладить свою бестактность. – Недалеко там больница, она действовала и в оккупацию.

– Вспомнил! Под горой был госпиталь!

Водитель снова в полголоса выругался и медленно поехал по разбитой улице. Остановился в виду крепости, на небольшой площади, где две параллельные оживленные городские магистрали соединялись в одну.

Эрвин увидел крепостную стену и радостно закивал головой.

– Здесь недалеко мост через ручей.

– Вот он, мост, – непонятно куда, показала Елена, – а ручей давным-давно высох.

«За полвека в этом уголке города ничего не изменилось, – обрадовался Эрвин, – дом где-то здесь. На улице, по которой спустились. Даже если дом перестроили, двор остался. Найдти бы только! Район сохранился, новое строительство не коснулось его. Продолжать поиски с Хелен будет подозрительно». – Сославшись на усталость, Эрвин предложил вернуть-

ся в отель.

Елена облегченно вздохнула. Ей изрядно надоело бродить в жару по пыльным улицам, трястись в нагретом солнцем авто.

– Как называется это место? – спросил Курт.

Елена задумалась. В народе здешняя остановка автобуса зовется «Магазин».

– Крепость или магазин «У моста», – нашла она с ответом, прочитав вывеску на магазине.

– А мост где, о котором говорит дядя? – спросил Курт, записывая названия остановки.

– Вон! – Елена показала на дорогу. – Ручей направили в трубу, а сверху шоссе. Как такового моста нет. Зачем вам он? Не самое интересное место в городе, а в крепость у нас запланирована экскурсия. С утра, пока не жарко, ходим.

Обратная дорога до гостиницы, к удивлению немцев, заняла около пяти минут. У «Астории» немцы попросили Хелен не тревожить их после обеда. Отдохнут, сходят на пляж, посетят магазины. Прощаясь, Курт вспомнил о завтрашней экскурсии в Никитский Ботанический сад и Ялту.

– Завтра останемся в городе. Продолжим знакомство с Феодосией, побродим по городу. Ботанический сад нас не интересует. У нас в городе не менее знаменитый ботанический сад.

– Поплывем по морю, увидите потрясающую красоту крымских берегов. Ялта сегодня – курорт европейского

уровня. Запланирована ночевка в четырех звездном отеле, – напомнила Хелен.

– Дядю больше Феодосия привлекает, а курортов мы видели достаточно.

Решение немцев Елену устраивало. От гостиницы успеет отказаться, появилось время встретиться с Игорем.

Пообедав с мамой, она позвонила ему. Игорь был на Втором городском пляже, и Лена, не раздумывая, пообещала вскоре подъехать.

«Что делаю? – забилась трезвая мысль. – Совершаю очередное безумство. В вечер знакомства целовалась, среди бела дня бегу на свидание. И куда – на пляж, где столько знакомых! Что за сила в этом мужчине? Лезу в расставленные силки... Ради меня остался в городе. Я ему нравлюсь. А он мне? Настолько, что рискую репутацией»? – После недолгих колебаний бросилась собираться. Открыла шифоньер, перебрала купальники, продолжая размышлять, какой надеть, – строгий полужакрытый, раздельный или фривольный молодежный.

«Выгляжу пока прилично. Соблазнять, так соблазнять»! – Выбрала раздельный глубоко открытый итальянский купальник. Надевала его всего один раз и берегла, стоил он месячную зарплату в школе.

Игорь выбрал место, откуда видны ворота, постоянно по-
сматривал и, увидев ее, поднялся навстречу.

В темных очках, широкополой соломенной шляпе и пест-
ром глубоко открытом сарафане с голыми руками, большой
пластиковой сумкой в тон платью, Елена вошла в ворота
Второго городского пляжа. «Господи, окончательно теряю
голову. Умру, если не станет моим мужем, – подумала Ле-
на, увидев его. – Предполагала ли когда, что так внезапно
влюблюсь? Мужчина из моих снов. Красавец, Аполлон! Его
стройное мускулистое тело, прикрытое короткими купаль-
ными шортиками, напоминает иллюстрации из книг о древ-
ней Спарте. С детства знала, так будет выглядеть Он!» Пре-
бывала еще в мечтах, как оказалась в его объятиях. Он поце-
ловал в обе щеки и ждал встречных поцелуев, какими обыч-
но обмениваются друзья при встрече. Елена собралась отве-
тить, но благоразумие остановило.

Покраснела и, смущаясь, тихо произнесла:

– Что делаешь! Кругом мои ученики.

Он взял ее за руку, она вырвалась и пошла рядом. У са-
мой воды, где была расстелена цветная подстилка с вещами
Игоря, поставила свою сумку.

– Не представляешь, как рад, тебе!

– Отпустили немцы. Собрались на пляж и по магазинам

походить. До завтра свободна. Почему забрался так далеко, в центре места не нашел?

– Исследовал берег от самого музея. Везде народ, берег галечный. Он мне в Ялте очертенел. Спросил, есть ли где песчаный пляж, показали. А там мелкота, как на Финском заливе. Пошел дальше и оказался тут. Людей меньше, песочек замечательный.

– Может, удастся, съездим на «Золотой пляж». Там настоящий песок. Раньше каждые полчаса теплоходы ходили, а теперь на автобусе в духоте сорок минут трястись.

– У меня машина.

– Забыла. Пойду, переоденусь, – сказала Елена, и пошла в кабинку.

Увидев её в купальнике, Игорь был окончательно сражен. Такой фигуры не имела, наверное, и Татьяна. Узкий синий бюстгальтер с маленькой белой чайкой на груди, не столько прикрывал, сколько подчеркивал величие бюста, узкий треугольник плавок открывал бедра, длинные стройные загорелые ноги. Как манекенщица на подиуме, прямо держа спину, величественно, словно королева, она направлялась к нему.

Что происходит со мной? Я теряю рассудок. – Мысли, что терзали Елену, теперь перешли к Игорю. – Нарушил все свои планы. Эта женщина занимает все мои мысли».

Он не мог отвести взгляда, заговорить. Елена достала из сумки коврик, постелила рядом с Игоревой подстилкой

и легла.

– Три минуты полежу и поплывем. Хорошо плаваешь?

– Что? – спросил он, не услышав.

– Хорошо плаваешь?

– Нормально.

– Посмотрим.

Игорь подвинулся, перекатился на ее коврик, коснулся тела, положил руку на плечо. Она убрала её, села.

– Веди себя прилично. Здесь мои ученики, родители. Город маленький, вечером все будут знать, учительница немецкого влюбилась в заезжего Дон Жуана.

– А ты влюбилась?

– Вот еще! Нет, конечно. – Она улыбнулась, удивляясь самой себе, как свободно, раскрепощено чувствует себя, словно сто лет знакома с ним. Встала, протянула руку.

– Вставай, пошли в воду!

Он приподнялся, взял ее руку, поцеловал.

– С женщинами не принято говорить о возрасте, извини, но помнится, тогда в машине, сказала сколько тебе. Это правда? Больше девятнадцати не дашь.

– Спасибо за комплимент. Напоминание о возрасте, не свидетельствует о безупречном воспитании.

– Да, да, извини. Мама с папой не привили хороших манер, – заметил он, улыбнувшись. – Не могу насмотреться на тебя. Не верю глазам, ты рядом, пришла.

– Смушаешь. Не надо на меня смотреть, не картина.

– Лучше! Живое воплощение мечты художника.

– Горазд на комплименты, но хватит, пошли в воду.

Про себя подумала: «Верить твоим комплиментам? Ты, действительно, выглядишь моложе своих тридцати двух». Уже в воде спросила, каким спортом увлекается, фигура спортивная. Игорь объяснил, что регулярно – никаким. На пляже не прочь в волейбол поиграть, на даче – с друзьями в футбол погонять. Рассказал, что дома в гостиной часто натягивали сетку, играли с женой в пинг-понг.

Продолжая разговор, вошли в воду. Преодолев мелководье, Игорь нырнул, а, вынырнув, быстро поплыл спортивным кролем. Елена не стала мочить волосы и поплыла брассом. Игорь приотстал, и дальше они неторопливо плыли рядом, все дальше удаляясь от берега. За разговором почти доплыли до стоящего на рейде нефтеналивного танкера, несколько матросов приветственно помахали им, что-то кричали, ветер уносил слова. Лена обернулась и ахнула.

– Так далеко никогда не заплывала.

– Я тоже, признаюсь. Плынешь, поворачивать не собираешься, а мне предложить неудобно. Подумаешь слабак. Устала?

– Немного. Как мы умудрились, и спасатели не остановили! – Продолжая разговаривать, не торопливо поплыли к берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.